

ИГОРЬ КУРУКИН, НИКИТА СОКОЛОВ

ВЫБИРАЯ СВОЮ ИСТОРИЮ

РАЗВИЛКИ

НА ПУТИ

РОССИИ

Corpus

ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО ОЛИГАРХОВ

18+

862 | 1252 | 1380 | 1418 | 1453 | 1564 | 1610 | 1666 | 1697 | 1730 |
1763 | 1792 | 1820 | 1824 | 1830 | 1860 | 1878 | 1881 | 1903 | 1907 |
1917 | 1918 | 1927 | 1928 | 1948 | 1957 | 1968 | 1987 | 1997 | 2024 |

**Игорь Владимирович Курукин
Никита Павлович Соколов
Выбирая свою историю.
Развилки на пути России: от
Рюриковичей до олигархов**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7689266

Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до

олигархов: КоЛибри; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-163083-6

Аннотация

*** НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ СОКОЛОВЫМ НИКИТОЙ ПАВЛОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА СОКОЛОВА НИКИТЫ ПАВЛОВИЧА.**

Книга российских ученых – собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего Отечества могла пойти не так, как она пошла. Но это не учебник альтернативной истории. Это глубокие и насыщенные историческими фактами рассуждения о зарождении

гражданского общества в России, о проблеме исторического выбора и о том, что историю во все времена творили конкретные люди, причем по собственной воле.

Книга была опубликована в 2005 году и вызвала дискуссии как в профессиональной среде, так и среди простых читателей, интересующихся судьбой России. А потому мгновенно стала бестселлером. Перед вами – отредактированное и существенно дополненное издание.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

«Что быть могло, но стать не возмогло...»	6
С точки зрения ежика. Вместо введения	10
862. Власть и волость	17
Памятник себе	18
Земля наша велика и обильна	24
С домом и дружиной	39
Кочующие «самодержцы»	48
1252. Меж Ордой и орденом	57
Нашествие и иго	58
Водружение ярма	66
Миф о Крестовом походе	77
Защитник Русской земли	82
Благоверный прагматик	93
1380. Несостоявшийся союз	97
Федерация земель	103
Между Польшей и Москвой: образование	112
Речи Посполитой	
Конец ознакомительного фрагмента.	125

**И. В. Курукин,
Никита Соколов
Выбирая свою
историю. Развилки
на пути России: от**

Рюриковичей до олигархов

© Курукин И.В., Соколов Н.П., 2006, 2015, 2024

© Юрганов А.Л., предисловие, 2006

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет,
2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024 Издательство
CORPUS ®

«Что быть могло, но стать не возмогло...»

Эта книга необычна. Профессиональные историки делятся с читателями мыслями об альтернативах исторического развития. Мысли эти остаются подчас невостребованными, таятся в уголках сознания, пока общество не потребует сказать о них открыто. Такой момент настал. Часть российского общества явно взыскует ответа на вопрос о том, что «с нами происходит»...

Необычной книге хотелось бы предпослать и не совсем привычные слова напутствия. Можно разделять или не разделять основные интенции авторов, моих коллег, – все-таки альтернативная история выходит за рамки строго доказательной академической истории, – но их книга мне интересна. Более того, считаю ее полезной и для широкого круга читателей, которые могут увидеть русскую историю в контексте «упущенных возможностей».

Что же в этом интересного и полезного?

Всякая косность мысли оборачивается догмой, хуже того – идеологией, которая по природе своей не терпит разномыслия, сомнений, рефлексий. Сейчас в России вновь наступает эпоха, когда история становится разменной монетой в политической игре, при помощи которой государственные

мужи намереваются «сплотить народ» на основе идеи «священной державы». Авторы книги продолжают начатый во времена перестройки и прерванный впоследствии разговор о судьбах страны, народа, государства.

Сталкиваются два несогласия «так жить». Одних пугает непредсказуемость науки, непредсказуемость личности, непредсказуемость творчества. Другим претит безжизненность схемы, самодовлеющий механизм шаблона.

Взыскующие «порядка» правы по-своему – нет уже сил просто взирать, и не видно других средств цивилизованно управиться с разгулом примитивного эгоизма в «невнятном» государстве: с двуглавым орлом, советским гимном и олигархами. Но своя правда и у тех, кто не ожидает ничего доброго от победы над эгоизмом ради «общей пользы» ценой удушения живой мысли, живого дела.

В этой ситуации не случайно возникает потребность в провоцирующей книге, смысл которой – поколебать уверенность в том, что возможно лишь одно объяснение прошлого. Нет, говорят историки, объяснений может быть больше. Хотя – и это тоже важно – существенна не только сама возможность исторической «развилки», но и то, насколько она была осознана современниками.

Уверен, книга вызовет неоднозначное отношение читателя, потому что авторы сознательно ставят перед собой цель возмутить обывательский уют привычных представлений, порой далеко не бесспорных. «Разве мы не страдали от мон-

голов, от ига, и поэтому у нас не сложилась современная демократия?» – спросит иной поборник «традиции», привыкший находить в исторических событиях объяснение своей собственной отсталости. Речь, конечно, не идет о том, чтобы определить здесь и сейчас «окончательный» взгляд на факты прошлого – историки продолжают разговор о возможностях научного сомнения, прибегая к казусам альтернативы, чтобы нагляднее показать, что к истории, как и ко всему на свете, можно относиться по-разному.

Когда сегодня ставится вопрос о воспитании историей, то хотелось бы знать: что мы стремимся воспитывать? Одни найдут в истории примеры единения ради общих интересов и вопреки мнению отдельных личностей и целых социальных слоев, другие... Весь пафос этой книги заключается в том, что должны быть «другие»: верившие, боровшиеся, часто отдававшие собственную жизнь за иное будущее своей родины; наверное, не обладавшие полнотой истины (а кто из смертных ею обладает?), но имевшие право думать иначе. Только это признание права на «инаковость» позволяет стать гражданином, для которого история страны – это не звук фанфар на юбилейных торжествах, а боль утраты, острое желание не быть отсутствующим в собственной отчизне. Не сносить молча, по выражению Н. М. Карамзина, все ее «нестроения» и несправедливости, «терпя, чего терпеть без подлости не можно».

Словом, эта книга вызовет спор, несогласие, сомнения,

рефлексии. Это, я думаю, и требуется от альтернативной истории – не быть скучной, назидательной, окончательной, но вызывать заинтересованный взгляд читателя беспокойством мысли, неожиданностью сравнений, порой даже рискованностью сомнений. Ради одного – пробуждать гражданский интерес к истории России. Или, по словам Карамзина, к тому, «что быть могло, но стать не возмогло...».

Андрей Юрганов

С точки зрения ежика. Вместо введения

И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые!.. А вот сейчас я могла крокировать королевинного ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес¹

Эта книга – вовсе не учебник. Она скорее «антиучебник». И даже не потому, что некоторые события здесь получают непривычное освещение. Существеннее другое. Учебники рассказывают о правилах и законах, которые нужно выучить и запомнить. Когда так пишут учебники по физике и химии, это естественно; беда, что тем же манером пишут и учебники по истории. Даже когда «закон истории» не формулируется в них открыто, построение рассказа всегда подразумевает некоторую скрытую предопределенность исхода. Представления эти проявляются в оценках действующих лиц как «прогрессивных» и «реакционных», то есть приближающих или отдаляющих желательный «конец истории».

Это происходит не по злему умыслу. В конце концов, история состоялась так, как состоялась, а не иначе, и человек, изучающий ее, знает (пусть даже эти знания весьма огра-

¹ Перевод Б. Заходера.

ниченны), как и чем закончились те или иные события. Но проблема в том и состоит, что история не имеет объективных законов, кроме тех, которые придумывают пишущие. Все попытки подвести историю под какое бы то ни было общее правило, будь то: божий промысел, понимаемый в качестве генерального плана; прогресс просвещения; «естественно-исторический процесс» смены общественно-экономических формаций; позаимствованные у биологии законы рождения, роста и гибели цивилизаций – пошли прахом. Целе направленная деятельность человека в прошлом, составляющая существо истории, не подчиняется никакой кабинетно измышленной закономерности. Если бы подчинялась, историк, подобно физику и химику, мог бы знать, чем закончится процесс, и делать верные предсказания на будущее. Удавалось – весьма редко и самым чутким – угадывать. Предсказывать не удавалось никому, и не потому, что предсказателям недоставало таланта или знаний. Просто история – поле деятельности человека, который обладает не только разумом, но и свободой воли. В силу этой свободы никакая последовательность исторических событий не представляет собой «процесса», подчиняющегося закономерности, которая хотя бы отдаленно напоминала законы, действующие в природе. Траекторию движения упругих тел после столкновения можно предсказать с большой точностью, но совершенно бессмысленно требовать, как Алиса, чтобы живые ежики вели себя как деревянные крокетные шары. Нет, они, конеч-

но, катятся после удара носом фламинго, но... куда сами хотят.

Именно потому, что человек наделен разумом и волей, нельзя сделать никакого верного прогноза относительно будущего человеческого общества. В 40-е гг. XIX в. Карл Маркс, наблюдая чудовищную эксплуатацию промышленных рабочих, предрек неизбежность построения коммунизма в результате обострения классовой борьбы и победы пролетариата. Нашлись люди, приложившие немало усилий для приближения пролетарской революции. Но немало усилий было затрачено и теми, кто старался такого будущего избежать, среди них были как рабочие, так и работодатели. Прошло 100 лет, и в мире (по крайней мере в той его части, которая активно сопротивлялась проекту будущего по Марксу) уже не существует того пролетариата, об участии которого сокрушался Маркс. Проблемы, касающиеся будущего, не исчезли, но это уже совершенно другие проблемы.

Как остроумно заметил французский историк Антуан Курно, общий ход истории правильнее уподоблять шахматной партии, где каждый новый ход – результат свободного выбора игрока. Мы можем постараться понять его мотивы (собственно, в этом и состоит главная задача историка), но не можем сформулировать общий закон развития партии и предсказать ее результат. Игрок свободен в тех пределах, которые диктует ему позиция, также являющаяся результатом предшествовавшего свободного выбора, а не какой-либо за-

кономерности. Более того, у каждого человека свое понимание этих пределов. И это единственный неоспоримый вывод, к которому пришла историческая наука, пройдя за последние полтора столетия через множество искушений и соблазнов. Урок истории – это урок свободы. Урок, усвоенный еще в глубокой древности. «К свободе призваны вы, братья!» – писал апостол Павел (Гал. 5:13). Разумеется, свободу в этом смысле, свободу действий самостоятельного и ответственного гражданина, не следует путать с безграничной холопско-казацкой «волей» и купчески-новорусским своевольством.

Свобода – это возможность выбора. Даже у самой незамысловатой шахматной позиции есть несколько продолжений. Жизнь человеческого общества гораздо богаче вариантами. И, хотя зачастую приходится выбирать из двух зол, безвыходным мы обычно называем такое положение, ясный и очевидный выход из которого нам просто не нравится.

Исторический выбор мы делаем ежедневно, подчас совершенно этого не сознавая. Иногда только весьма отдаленные последствия могут прояснить все значение сделанного некогда шага. Но всегда наш выбор диктуется образом желательного будущего. Мы выбираем свой проект будущего не только тогда, когда выбираем президента и парламент. Мы делаем это ежедневно, выбирая людей, с которыми дружим, и книги, которые читаем. В любом сообществе людей постоянно идет эта сложная борьба между разными проектами бу-

дущего.

В ходе этой борьбы довольно часто общественные системы оказываются в состоянии неустойчивого равновесия, и тогда выбор немногочисленной, но энергичной группы (и даже одного человека!) может существенно изменить траекторию движения всего сообщества. Или, наоборот, повседневная деятельность множества «обычных» людей, преследующих собственные, часто мелкие и сиюминутные, цели, сдвигает общество в ту или иную сторону, вопреки замыслам могущественных государственных мужей и великих реформаторов.

В этом смысле история представляет собой длинную цепочку развилок (в научной литературе для их обозначения пользуются специальным термином «точки бифуркации»). Каждый акт выбора отодвигает в тень нереализованные, потенциальные возможности, набор которых, существовавший на момент совершения выбора, по прошествии времени часто уже с трудом поддается реконструкции.

Гораздо проще и удобнее описывать только пройденный обществом путь, не задумываясь о том, какими ответвлениями и почему оно пренебрегло в цепочке развилок. Но при таком подходе неизбежно возникает иллюзия «тотально целенаправленной» и «фатально predetermined» истории, для описания мистического механизма которой и пользуются метафорами «божьего промысла», «национальной судьбы» и проч. Историю этого типа любят власти предрержащие,

поскольку такая история служит обоснованием если не «исторической прогрессивности», то уж по меньшей мере «исторической неизбежности» наличествующей власти.

«Казенная» история, история «допущенных и рекомендованных» учебников, не знает сослагательного наклонения. По существу, это предыстория торжествующего на данный момент «проекта будущего». Ее задача – воспитать гордость «героическими деяниями предков». Овладение этой историей – главная добродетель верноподданного, готового малодушно передоверить власти строительство будущего. Понимать обстоятельства и мотивы выбора предков (нередко совершавших деяния, гордиться которыми затруднительно) – добродетель гражданина, готового действовать сознательно и свободно.

Знание и понимание альтернатив прошлого – лучшая из известных профилактик тяжелого заболевания национальной памяти типа «сделайте нам красиво», увы, весьма распространенного в наших широтах. Если немецких школьников водят на экскурсии в музей бывшего концлагеря Дахау, где они учатся каяться и не забывать, а следовательно, и не повторять ошибок предков, то наших водят в Оружейную палату – любоваться золотом и блеском алмазов (той самой имперской «славой, купленную кровью», от которой отрекался Лермонтов). Обязательного посещения музея «Петровский пыточный застенок» и экскурсий в «Сталинский лагерь» в отечестве нашем не заведено. Но прав был немец-

кий философ Карл Ясперс, когда требовал: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило».

Эта книга – собрание очерков, повествующих об исторических развилках, когда история нашего отечества могла получить существенно различное продолжение, и о том спектре альтернатив, который держали в уме участники событий (историки называют его «горизонтом ожиданий»). Пусть вас не смущает, что выбор всякий раз, по видимости, совершают значительные и высокопоставленные личности. Они всего лишь знаковые фигуры, о которых мы больше знаем и чей выбор символизировал выбор определенной части нации. Важно то, что, сознательно одобряя или не одобряя этот выбор, вы совершаете свой собственный.

862. Власть и волость

8 сентября 1862 г. в Великом Новгороде на площади между Софийским собором и Присутственными местами проходила невиданно пышная церемония. В присутствии государя императора, наследника цесаревича, членов императорской фамилии, Синода и Сената был торжественно открыт памятник Тысячелетия России.

Грандиозное сооружение, плод фантазии дотоле никому не известного выпускника батального класса Императорской академии художеств Михаила Микешина, силуэтом напоминало одновременно шапку Мономаха и колокол. Но главная удача скульптора, обеспечившая победу его проекту, заключалась в удивительно точном переводе на язык скульптуры традиционного взгляда на отечественную историю. Сущность России виделась в уникальном сочетании «православия, самодержавия и народности». Соответственно, в верхней части монумента ангел, олицетворяющий православие, благословляет коленопреклоненную женщину – Россию. Помещенные на втором уровне шесть групп представляли разные стадии становления российской монархии. В нижнем ярусе располагалось 109 персонажей, в частности и простого звания, положивших жизнь на создание великой России. Тысячелетняя история России мыслилась как тысячелетняя история монархии.

Памятник себе

Почетное место в среднем ярусе монумента занимала сцена призвания славянами на княжение варяга Рюрика. К юбилею этого события, собственно, и было приурочено торжество, ибо с актом «добровольного призвания» связывалось установление на Руси монархического начала и даже появление государственности вообще. Уже Василий Никитич Татищев – первый российский историк – изображал древнерусских князей самовластными государями, а политическую систему Древней Руси как монархию. Идея эта закрепилась в российском общественном сознании с появлением в 1816 г. «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, ставшей для россиян своеобразным «открытием» собственной истории. Прекрасный язык, глубокое знание источников, яркие образы героев – все это сделало труд Карамзина основой исторических знаний многих поколений.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России

оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец – и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

(Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Гл. 4)

В трудах историка Михаила Петровича Погодина (сына крепостного, отпущенного на волю, получившего возможность учиться в Московском университете и впоследствии ставшего его профессором и главой кафедры русской истории) добровольное призвание было истолковано в духе этой доктрины, но со значительным антизападническим заострением в соответствии со знаменитой триадой министра народного просвещения графа С. С. Уварова «Православие, самодержавие, народность». Сама формула Уварова была создана как своего рода полемический ответ на знаменитый лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство»: вместо свободы Уваров предлагал православие как подлинную свободу (не в человеческом, а в божественном смысле), равенству противопоставлял самодержавие, а вместо космополитического братства выдвигал народ-

ность, то есть национальную идею.

Противопоставление России Западу особенно усердно насаждалось в эпоху Николая I. Перо Михаила Погодина было отзывчиво на пожелания начальства, и он писал, что в Западной Европе государства возникали в результате завоевания (например, галлов франками, бриттов норманнами), а на Руси – добровольного призвания варягов новгородцами. Поэтому русская история бесконфликтна и проникнута «народностью» (то есть идеей единства русского народа и единения его с царем), а западная началась с порабощения и движется социальной борьбой и т. д.

Впоследствии представление об исконном существовании монархии на Руси было усвоено и «государственной школой» историков и марксистской историографией. Так, М. Н. Покровский считал возможным говорить о «варяжском абсолютизме» в Древней Руси. Да и в наши дни, открыв любой школьный учебник, мы непременно обнаружим в начале главы сакраментальную формулу: «Во главе Руси стояли великие киевские князья, которые были полноправными правителями страны», позднее переходящую в тезис о Киевской Руси как о «раннефеодальной монархии». А популярный политик запросто может заявить с экрана телевизора, что гражданское общество в России невозможно, ибо ее «естественный путь» – самодержавие.

Между тем при обращении к первоисточникам уже в эпизоде с призванием варягов обнаруживается устройство вла-

сти, весьма далекое от самодержавной монархии.

Древнейший летописный свод «Повесть временных лет» под 862 годом сообщает, что несколько племен, населявших северо-запад современной России, – ильменские словене, кривичи и чудь, платившие дань варягам, – возмутились, «изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Распространенная в xviii – xix вв. трактовка варяжского призвания как момента образования государства давно оставлена наукой. В момент же своего появления она была вполне основательной научной гипотезой, поскольку считалось, что феодальные отношения возникают только в результате завоевания, когда иноплеменные победители «надстраиваются» в качестве высшего сословия над подвластными и

порабощаемыми племенами. Поскольку, по крайней мере с XII столетия, на Руси несомненно обнаруживались элементы социальной (экономической и политической) конструкции, близкой к феодальной, то естественно было историкам искать и завоевателя. Варяги вполне подходили на эту роль. Когда к концу XIX в. выяснилось, что феодальные отношения могут возникать без всякого завоевания, гипотеза потеряла основание и из научной литературы перекочевала в пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся как в России, так и в Европе для моральной подготовки подданных к войне (от Семилетней в XVIII в. до холодной в XX столетии).

Впрочем, просто при внимательном чтении летописного известия становится очевидным, что призвать кого-либо, хотя бы и варяга, для исполнения общественных функций можно только в том случае, если сами эти функции уже существуют, когда есть кому и куда призывать. В известии о призвании Рюрика мы, несомненно, обнаруживаем три важнейших элемента политической конструкции Древней Руси в их взаимодействии. На первый план выступает здесь собрание представителей племен, прообраз земской власти, известной нам по более поздним источникам как вече. Вторую силу представляет призываемый «володеть и судить» князь. Князь приходит не один, он является в окружении соратников, пособляющих ему исполнять княжескую должность. Мифические братья Рюрика, бесследно исчезающие сразу после прибытия, по всей видимости, – плод недора-

зумения. Скорее всего, летописец, читая скандинавский источник, принял описание традиционного окружения варяжского предводителя – конунга – за имена его братьев: Синеус возник из sine hus («свой род»), а Трувор из thru varing («верная дружина»). Вооруженный отряд князя, его интернациональная дружина, составляет третий необходимый элемент древнерусской политической конструкции. Эти три силы находятся в сложном взаимодействии, которым и определяется все своеобразие нашей политической истории древнейшего периода.

В 1862 г. самодержавная империя увековечила в бронзе тот образ истории, который ее наилучшим образом устраивал. Выбор, сделанный нашими более отдаленными предками в 862 г., имел совершенно другой смысл. Во всяком случае, у современных историков есть веские основания полагать, что, если бы жителям Древней Руси довелось участвовать в открытии микешинского монумента, они пришли бы в недоумение, а разобравшись что к чему, потребовали бы поменять ярусы местами.

Земля наша велика и обильна

Историки много спорили и будут спорить впредь относительно реальных событий, отразившихся в легенде о призвании варягов, произвольно и, по всей видимости, неточно отнесенных летописцем к 862 г. Идиллическая картина «добровольного призвания», во всяком случае, не соответствует действительности. Скорее всего, тогда речь шла о призвании варяжского конунга с дружиной не на княжение, а для помощи в войне. Позднее варяги совершили «государственный переворот», сопровождавшийся избиением словенских предводителей и знати, смутные воспоминания о котором сохранились в поздней Никоновской летописи (xvi в.). Под 864 г. там повествуется о том, как «оскорбились новгородцы, говоря: каково быть нам рабами, принимая столько зла от Рюрика и его родичей! В том же году убил Рюрик Вадима Храброго, и других многих перебил новгородцев его советников». В 867 г., по сообщению той же летописи, «убежали от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей». Так что варяжская династия утвердилась в Новгороде не без борьбы, но все попытки более детальной реконструкции тогдашних событий сталкиваются с острой нехваткой надежных источников, и все выводы остаются в высшей степени гадательными.

Несомненно, однако, что летописец, повествуя о событи-

ях ix в., осмысливает их через реалии конца xi – начала xii столетия, когда политическая система Древней Руси вполне оформилась и на основе племенных союзов завершилось образование волостей-земель.

Прежде всего, приходится устранить обманчивую ясность слова «земля». О какой земле говорится в речах, вкладываемых летописцем в уста словен, кривичей и чуди? Безусловно, имеются в виду не тучность новгородских почв и не лесные богатства. Землею, или волостью («властью»), именуется в наших летописях самостоятельная государственная область, находящаяся под управлением «города». Древнерусский город – автономный общественный союз, носитель суверенитета. То, что в наших учебниках называется Древнерусским государством, по существу, представляло собой совокупность таких волостей. Во время похода Олега на Царьград он потребовал с греков дань не только для всех участвовавших в походе воинов со всех кораблей «по 12 гривен на уключину», но и для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и для других городов, то есть в пользу всех общин, участвовавших в организации похода.

Древнейшие города возникают, как установили археологи, в результате слияния нескольких родовых поселков. Относительно Киева смутные воспоминания о существовании таких поселений сохраняются в предании об основании города тремя братьями – Кием, Щеком и Хоривом. Точно так

же образовались в результате слияния нескольких первобытных поселений Новгород, Суздаль и Смоленск. Аналогичная картина прослеживается и в других городах.

Город возникал как центр взаимодействия нескольких племен, территориального, а не родового объединения – земли-волости, включавшей сельскую округу и малые укрепленные центры, подчиненные городу, числящиеся его «пригородами». О главенствующем положении старшего города свидетельствует множество эпизодов, описанных в летописях. В частности, в 1151 г. жители Белгорода отказались открыть ворота Юрию Долгорукому, поскольку его не пустил к себе их старший город Киев.

Волости не были вполне устойчивы. Пригороды стремились к обособлению от своих городов и образованию самостоятельной земли-волости. Мотивы, толкавшие к такому обособлению, были не только материально-меркантильными. Пригороды, конечно, тяготились военными и финансовыми повинностями в пользу волостного центра, но главным образом стремление к обособлению порождала структура власти в земле-волости. Чересчур крупные размеры волости препятствовали непосредственному участию жителей в осуществлении власти.

Основным отличительным внешним признаком города были городские стены (в древности – просто частокол). Но замечательно то, что в сознании людей Древней Руси город отличался от других огороженных поселений – пригорода,

городка и городища – признаком совсем не внешним. Городом именовался центр земли-волости, в котором функционировало вече.

Вопреки распространенному предрассудку вече действовало не только в Новгороде, Пскове и Вятке. Само слово «вече» употреблялось преимущественно в Северной Руси, но народные собрания, игравшие аналогичную роль в политической жизни, существовали повсеместно. В летописях они скрываются под псевдонимом «дума». Ключ к такому пониманию дает сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. о вечевом собрании во Владимире, решавшем вопрос о том, какой князь должен «занять стол» после убийства Андрея Боголюбского.

Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся; на что же старейшии сдумают, на том же пригороди стануть².

(Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 377–378)

Помимо ясного указания на устройство земли-волости, в которой периферийные центры – «пригороды» – безусловно подчинены власти вечевых «городов», в этом отрывке ценно пояснение летописца, утверждавшего, что собрать вече – то

² Новгородцы же издревле и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на думу, на веча сходятся; что старейшие [города] решат, на том и пригороды станут.

же самое, что сойтись на думу и, соответственно, сдумать – значит принять вечевое решение. Это указание позволяет увидеть действие вечевого института и в тех случаях, когда само слово «вече» не упоминается. Благодаря этому ключу можно с большой долей уверенности утверждать, что, когда в ответ на хазарские требования «сдумавше поляне» и дали в качестве дани от дома по мечу, они придумали это не каждый сам по себе, а сойдясь на племенную сходку. Точно так же и древляне в 945 г. «сдумавше со князем своим Малом» оказать сопротивление киевскому князю Игорю, проявившему «несытовство» – то есть требовавшему непомерной дани, – видимо, приняли это решение на собрании, аналогичном вече.

Источники не позволяют проследить промежуточные формы и этапы эволюции, но большинство историков склоняется к мысли, что вечевые собрания естественным образом вырастают из племенных сходок эпохи военной демократии. Косвенным свидетельством существования у славян таких собраний служит известие византийского автора *vi* в. Прокопия Кесарийского, отметившего, что славяне «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом». Длительное отсутствие термина «вече» в отечественных летописях, скорее всего, не означает перерыва в существовании самого этого института. Летописцы (составлявшие свои своды при княжеских дворах или в

кельях – как правило, тоже княжеских монастырей) вообще мало интересовались регулярной работой органов власти и обращали на них внимание только в моменты внутри- и внешнеполитических кризисов. Во всяком случае, неосновательным представляется мнение, высказанное в 1930-е гг. Б. Д. Грековым и получившее довольно широкое распространение по вненаучным причинам, а ныне разделяемое, кажется, только М. Б. Свердловым, будто «племенное вече – верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени – с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах – городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в xii – xiii вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов».

Такой перерыв в деятельности старинного института представляется странным и к тому же не подтверждается источниками, в которых вечевые собрания эпизодически упоминаются и в xi столетии. В 1015 г. Ярослав Мудрый, варяжская дружина которого накануне перебила новгородскую верхушку «нарочитых мужей», вынужден был при получении на другой день известия о захвате власти в Киеве Святополком просить у новгородцев помощи «на вечи». В 1068 г. киевляне «створиша вече», дабы организовать отпор половецкому набегу, в борьбе с которым потерпел неудачу князь Изяслав. А на следующий год, когда изгнанный Изяслав по-

пытался вернуться в Киев с помощью польских войск, горожане вновь «створиша вече», призвавшее на помощь братьев Изяслава – Святослава и Всеволода, угрожая в противном случае, сжегши город, уйти в «греческую землю».

Разумеется, сущность этого учреждения со временем менялась, и племенная сходка эпохи родового быта существенно отличалась от волостного веча XI – XII столетий. Однако ограниченность наших сведений не позволяет совершенно однозначно определить характер этих изменений. Спорными, как и 100 лет назад, остаются вопросы о составе и компетенции вечевых собраний, порядке их проведения.

Во всяком случае, неправильно представлять себе вече в виде хаотической толпы, принимавшей или отвергавшей предлагаемые меры силой крика. Единственное подробное летописное описание вечевого собрания позволяет заключить, что это было вполне формализованное действие, проходившее по определенному протоколу. На митинг собрание было мало похоже; по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1147 г. «многое множество» киевлян, явившихся на вече у Софийского собора, прежде всего «седоша». Далее рассевшиеся киевляне выслушали сообщение князя о причине собрания, приветствия послов, обращенные с соблюдением строгого этикета сначала к митрополиту, тысяцкому, а затем и ко всем «киянам», и только затем выслушали посольские предложения.

То обстоятельство, что участники веча сидели, застав-

ляет предполагать, что число их было невелико. Археолог В. Л. Янин, непревзойденный знаток быта древнего Новгорода, провел однажды с участниками своей археологической экспедиции эксперимент. Когда вечернюю площадь уставили скамьями, оказалось, что поместиться на них может не более 400 человек. Но если в этих сходках принимали участие не все жители города, то каким образом формировался их состав?

Относительно состава вечевых собраний продолжают споры. Часть исследователей разделяет убеждение Янина о том, что 300 «золотых поясов», заседавших на новгородском вече, по сообщению иноземного путешественника, представляли городской патрициат, старейшин усадеб, из которых состоял средневековый город. Другие полагают, что вечевые собрания были более «демократическими» и включали в себя выборных представителей городских районов – «концов». Споры ведутся, конечно, относительно «правильного» веча в обычной ситуации; во времена смутные – в случае военной катастрофы или острого социального конфликта – на сходки сбегалось множество народа, и там уж было не до процедурных тонкостей.

Компетенция веча была довольно обширна. Среди важнейших вопросов, решавшихся вечем, были вопросы войны и мира, приглашение князя и заключение договора («ряда») с ним. В случае недовольства князем и нарушения им условий ряда вече могло указать князю «путь чист» (то есть

изгнать). Некоторые эпизоды такого рода широко известны. Например, события 1136 г. в Новгороде, когда был посажен на два месяца под арест со всей семьей, а затем и изгнан князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Новгородцы дважды изгоняли и князя Александра Ярославича (Невского), покушавшегося на городские вольности. Беда в том, что в наших учебниках эти случаи представляются как чрезвычайные и исключительные, между тем это была рутинная практика древнерусских волостей.

Участвовало вече и в направлении «иностранных дел». Например, в договоре Новгорода с Готским берегом указывалось, что в выработке условий договора, которым князь Ярослав Владимирович утвердил мир «с послом Арбудомь и всеми немецкими сыны... и с всемь латиньским языком», участвовали посадник Мирошка, тысяцкий Яков и все новгородцы.

Вече должно было утверждать чрезвычайные расходы на военные предприятия. В скандинавских сагах, где говорится, что во времена Владимира и Ярослава на Руси собирались тинги – народные собрания, содержится характерный рассказ об Эймунде, предлагавшем свою военную службу «русскому конунгу», который ответил ему: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я», и созвал тинг.

Княжеская дружина составляла «корпус быстрого реагирования», но основная тяжесть военных предприятий, как

наступательных, так и оборонительных, если речь шла о земских интересах, ложилась на плечи рядовых «воев» – народного ополчения.

Основная масса свободного населения древнерусской воности была хорошо вооружена и представляла внушительную военную силу. Поляне, по преданию, дают хазарам по мечу «от дыма», то есть в понятиях летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 13 «Русской правды», предусматривающая такой казус: «Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду». Очевидно, что «в своем мире» обнаружить собственное украденное военное снаряжение мог рядовой свободный общинник, а не княжеский «муж». Народное ополчение состояло как из городских, так и из сельских свободных обывателей. После неудачного для Руси сражения с монголами на реке Калке, как сообщает летопись, «бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом». Очевидно, «по селом» плакали не из простого сочувствия, но оплакивали павших односельчан. Как отмечают археологи, меч в XII столетии становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы «серийного производства», для которого был несомненно тесен исключительно дружинный и даже городской «рынок».

Неверно было бы представлять себе свободного общин-

ника только в роли пешего воина. Простые воины на коне постоянно встречаются на страницах летописи. Князь Изяслав Мстиславич призывал с собой в поход на черниговских Ольговичей всех киевлян «от мала и до велика, кто имеет коня, кто ли не имеет коня, а в лодьи». В другой раз киевляне последовали за своим князем «на конях и пеши многое множество».

Земские «вои» составляли особую военную организацию, отличную и независимую от княжеской дружины. В мирное время поддерживалась сотенная «мобилизационная система»: все население волости (не только городов, но и сел) было разбито на административные единицы – десятки и сотни, объединенные под общим руководством избираемого вечем тысяцкого. В походе это войско, находящееся под командой собственных воевод, действовало под общим руководством князя, но не было подчинено ему безусловно. Нередки случаи, когда городские «вои» прямо нарушали княжеские распоряжения. Князья Святополк, Владимир и Ростислав во время похода 1093 г. решили не переходить Стугну, стремясь избежать столкновения с половцами. Однако киевляне не согласились с этим решением, они постановили двинуться «на ону сторону реки», и князья вынуждены были следовать за земской ратью.

Своей численностью городской «полк» по крайней мере на порядок превосходил княжескую дружину. Неудивительно, что в случае конфликта князя с городом, когда горожа-

не расторгли договор с князем и «казали ему путь чист», неугодному «самодержцу» ничего не оставалось, как подчиниться и отправиться по указанному пути искать другого «стола». Для вооруженного противодействия сил дружины явно было недостаточно.

Суверенитет древнерусских городов-государств ярко проявляется в том, что они вступали в дипломатические сношения – «правили посольства» друг к другу и в отдаленные страны. В 1164 г. к византийскому императору Мануилу прибыли «Киевский сол (посол) и Суждальский сол Илья, и Переяславский, и Черниговский». В 1229 г. для заключения договора с Ригой и Готским берегом отправились послы «от Смолнян», то есть послы городской общины участвовали в заключении договора наряду с княжескими и отдельно от них. Существовал и институт «международного посредничества»: в 1135 г. «ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами», успеха акция, правда, не имела.

В целом позволительно утверждать, что политическая система древнерусской волости была вполне «демократической» (постоянно имея в виду условность и неточность употребления современной политической терминологии по отношению к такой удаленной эпохе). По всей видимости, в рамках города существовал некий олигархический орган. Однако скудные сохранившиеся источники не позволяют сказать ничего определенного относительно статуса упоми-

наемых в них «старцев градских», с которыми, например, в 988 г. держит совет относительно принятия новой веры князь Владимир Святославич. Во всяком случае, не будет большим преувеличением утверждать, что русские волости не отличались в этом отношении по своему устройству от античных полисов и городов-государств средневековой Европы. Но только в античном полисе не было князя с дружиной, а русский город не знал западноевропейской «коммунальной революции» – этому препятствовала сама его структура, он состоял из княжеских и боярских дворов-кварталов. Один из лучших знатоков Древней Руси И. Я. Фроянов пришел к заключению, что «с помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины xi – начала xiii в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении». Едва ли положение было существенно иным в предшествующие два столетия.

Изучение всего комплекса источников, доступных нам, неизбежно приводит к выводу, впервые сформулированному историком древнерусского права В. И. Сергеевским еще в начале xx столетия: «Наша древность не знает единого «государства Российского»; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств». Трудно говорить о Древней Руси как о едином государстве при отсутствии единой административной организации, единого «экономического пространства» и даже общего наименования, охватывающего все русские земли-волости, населе-

ние которых, довольно резко различавшееся хозяйственными и культурными обычаями, невозможно представить в виде «единой древнерусской народности».

Наши летописи говорят о «русской земле» в совершенно своеобразном смысле, и значение этого словосочетания остается не вполне ясным. В частности, в 1145 г. «вся Русская земля» ходила походом на... Галич. С помощью скрупулезного анализа семисот упоминаний «русской земли» в памятниках домонгольской эпохи, проведенного В. А. Кучкиным, было установлено, что словосочетание это используется в двух различных значениях. «Русской землей» «в узком смысле» именуется южные волости в нижнем течении Днепра, южного Буга и Днестра. Причем в состав этой «русской земли» никогда не включаются области Великого Новгорода, Полоцка, Смоленска, Суздаля (Владимира), Рязани, Муррома, Галича и Владимира на Волыни. Относительно смысла и происхождения этого словоупотребления нет даже убедительной гипотезы. Помимо этого, словосочетание «русская земля» употребляется «в широком смысле», и тогда оно охватывает не только те земли, которые мы и сейчас назвали бы русскими, но и болгарские, польские, валашские, а позднее и литовские города. В основе этого объединения лежал принцип единства церковнославянского языка. Таким образом, «русская земля» «в широком смысле» – совокупность земель, исповедующих истинную веру, связанную с церковнославянским языком, то есть вообще православный, бого-

спасаемый мир. Но это представление древнерусских книжников мало влияло на политические реалии Древней Руси, которая предстает совокупностью независимых земель, объединяемых общностью веры, княжеской династии и языка.

С домом и дружиной

Обращаясь к летописям, мы обнаруживаем, что князь – совершенно необходимый элемент социально-политической организации древнерусского общества. Случаи, когда та или иная волость временно оказывалась в положении «безкняжья», неизменно привлекают внимание летописца. Летописец, повествуя о конфликте родного Владимира с Ростовом и Суздалем, отмечает как чудо и проявление особого божественного благоволения, что владимирцы выстояли в этой борьбе целых семь недель «безо князя будуще». Вольнолюбивые новгородцы и те, оставшись на полгода без князя, «не стерпели без князя сидеть». С князем горожане чувствовали себя спокойнее: когда Изяслав Мстиславич, отлучавшийся из Киева на несколько месяцев для поездки в Новгород и Смоленск, вернулся обратно, радовалось все «людь».

Радость эта легко объяснима. Князь выступает в наших древнейших памятниках прежде всего как организатор обороны, и его отсутствие приводило к существенному ущербу «обороноспособности» волости. В 1152 г. дружина князя Изяслава не смогла остановить половцев у днепровского брода, поскольку князя с ними не было, а «боярина не вси слушаютъ». Необходимость быть при войске и вдохновлять его своим примером отлично сознавали и сами князья, признавшие в один голос на одном из княжеских съездов – сне-

мов: «Не крепко бьются дружина и половцы, если с ними не ездим сами». Древнерусский князь во многом сохраняет черты военного предводителя родоплеменной эпохи. Например, он должен принимать непосредственное участие в битвах в качестве передового бойца.

Идеальный князь денно и нощно сам печется о военном «наряде». В «Поучении» Владимир Мономах наставляет детей своих: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано».

Главная добродетель князя – храбрость, отвага. Волость могла изгнать князя, проявившего трусость, то есть обнаружившего, как сказали бы сейчас, «неполное служебное соответствие». В 1136 г. новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича за то, что тот уехал из похода «впереди всех». Смерть князя на поле брани считалась нормой. «Дивно ли, если муж пал на войне? – писал Мономах о гибели собственного сына Изяслава. – Умирили так лучшие из предков наших».

Помимо собственно руководства военными действиями на князе лежала обязанность снабжения дружины оружием и конями, для чего князьям приходилось организовывать внешнеторговые предприятия и заводить собственные «села», где разводили боевых коней.

Другой важнейшей задачей князя было поддержание

внутреннего порядка. «Княж двор» был местом суда, а судебные разбирательства со временем превратились в повседневное занятие князя. В распорядке дня Владимира Мономаха было установлено специальное время, когда он должен был «люди оправливати». В тех случаях, когда князь по немощи и болезни, как, например, Всеволод Ярославич на склоне лет, отходил от судебных дел, передоверяя их своим помощникам – тиунам, «княжа правда», по выражению летописца, переставала доходить до людей.

Княжеский суд должен был быть «истинен и нелицемерен», что в значительной степени гарантировалось его открытостью, гласностью и «равноудаленностью», не случайно в принципиально ограничившем княжескую власть Новгороде князь остался прежде всего судьей. Состязательный процесс, в котором тяжущиеся стороны доказывали свою правоту, проходил «пред людьми». В судебном процессе активную роль играли разного рода свидетели – видоки, послухи, поручники, – отзыв которых позволял князю верно выбрать подлежащую применению к разбираемому случаю норму традиционного, обычного права. С начала XI в. нормы обычного права начинают дополняться писанным законодательством. Около 1016 г. создается Правда Ярослава, между 1054 и 1068 гг. – Правда Ярославичей, затем появляются Уставы Владимира Мономаха. Но следует обратить внимание на то, что законодательство не было исключительной прерогативой князя. В перечне «мужей», участвовав-

ших в разработке и утверждении Правды Ярославичей, помимо членов их дружин указаны земский воевода Коснячко и просто «киевлянин Микифор». Для составления Устава о резах (резы – проценты по займу), первого в нашей истории свода коммерческого законодательства, Владимир Мономах «созва дружину свою... Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского». Несмотря на скудость данных, которыми мы располагаем, можно утверждать, что участвовало в законодательстве и вече. В предисловии к Уставной грамоте князя Ростислава смоленской епископии указывается, что князь готовил этот акт «сдумав с людми» (просто людьми, в отличие от княжеских приближенных – «мужей», именовались в то время все свободные жители земли-волости).

Князь действует не в одиночку, он всегда появляется в памятниках в окружении своей дружины. Дружина в глубокой древности, по всей видимости, обозначала боевой отряд племени или мужской союз, составлявший единицу общеплеменной военной организации, подобную тем, какие европейцы еще в XVIII в. могли наблюдать у индейцев Северной Америки.

Князь и его дружина соединены общностью очага и хлеба, это своеобразная военная община. Оторвавшись и изолировавшись от общины свободных людей, дружина как корпорация профессиональных воинов воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве. Среди дружинни-

ков князь не господин, но только первый между равными. Как отмечал византийский автор Лев Диакон, лично видевший князя Святослава Игоревича, «его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище».

Князь должен был считаться с мнением дружины, без которой существовать не мог. Князь Святослав Игоревич отказался принять христианство, несмотря на решительные уговоры матери, опасаясь насмешек дружины. Характерен в этом смысле эпизод, помещаемый летописью под 945 г., о гибели Игоря в древлянской земле. Дружинники Игоря возмутились, что князь плохо содержит их, и завидовали дружинникам боярина Свенельда, которые «изоделись оружием и одеждой, а мы наги». «И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его». Тем самым мы видим, что Игорь уступил требованию своей дружины и отправился к древлянам за дополнительной данью, презрев как соображения о несправедливости повторного собирания дани, так и соображения личной безопасности.

Схожий рассказ читаем в летописи за 996 г. На пиру у князя Владимира Святославича дружинники принялись роптать, что им приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Услышав это, Владимир немедленно «повелел искать серебряные ложки». Летописец, ставивший перед собой задачу нарисовать идеальные отношения между князем и дружиной, вкладывает в уста князя такое объяснение

его поступку: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра».

Как правило, дружина следует за своим князем, переходящим со «стола» на «стол», разделяя его удачи и невзгоды. Но не обязательно. Так, в 1146 г. князь Святослав Ольгович вынужден был бежать из Новгорода Северского под натиском своего противника Изяслава Мстиславича, «дружина же его – иные пошли с ним, а другии оставили его». Когда Ярослав Святославич был принужден бежать из Владимира в «угры» (Венгрию), его бояре «отступиша от него».

Что же привязывало дружину к князю? Едва ли не главным достоинством князя с точки зрения дружины считалась щедрость. Хороший князь удостоивался похвалы летописца, если «любил дружину, золота не собирал, имения не щадил, но раздавал дружине». Между прочим, пир – это не только многодневная гульба, но и своеобразное политическое учреждение той эпохи, когда власть еще не окончательно отделилась от народа. Именно там князь общался с подданными, творил суд, выслушивал просьбы, отличал заслуживших: так вот «поступил на работу» былинный «мужичище-деревенщина» Илья Муромец – в качестве современных анкет и резюме он предъявил пленного Соловья-разбойника.

Там князь назначал на службу и жаловал своих богатырей-дружинников, раздавал им золото и серебро – кубки, мечи, кольца и т. п. Причем раздаваемые предметы не состав-

ляют богатства, материальной ценности в нашем современном понимании. По понятиям людей того времени, в золоте и серебре аккумулируются удача, счастье и благополучие. «При этом золото и серебро сами по себе, – как отмечал один из лучших знатоков европейского Средневековья А. Я. Гуревич, – не содержат этих благ: они становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы «впитывают» благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества». Раздавая золотые чаши и кольца, князь делился своей удачей.

Вместе с даром к его получателю переходила часть удачи, счастья дарителя. Акт дарения устанавливал зависимость получателя от дарителя. Дар, не возмещенный равноценным даром или верной службой, становился угрозой чести и даже жизни принявшего дар.

Характерно, что дружинники, взыскывая внешних признаков богатства, связанного с удачей, никогда не требовали земельных пожалований. Земля в Древней Руси до XII в. не стала феодальной собственностью. Ее было слишком много, а границы обрабатываемых земель, которые только и могли стать основанием феодальной условной службы, невозможно было установить, поскольку расчищенные от леса уголья быстро «выпахивались» и земледелец приступал к раскорчевке нового лесного участка. По всей видимости, именно это обстоятельство затормозило в Восточной Европе развитие классических феодальных отношений. Эти отношения,

сопряженные с появлением земельных владений – вотчин, складываются в XII – XIV вв. и так и не приводят к появлению на Руси известной по школьным учебникам феодальной иерархии.

Понятно, что при таком способе формирования дружины она не могла быть велика. Для того чтобы обзавестись дружиной, князь должен был совершить немало удачных военных предприятий и раздать много золота. По свидетельствам иноземных путешественников, косвенное подтверждение которым находится при археологических раскопках дружинных «городищ», у князя, находившегося в зените карьеры, дружина насчитывала от 200 до 400 воинов.

Состав княжеской дружины сложен. Влиятельную «старшую дружину» составляли бояре (происхождение и точное значение этого слова по сей пору неясно, в источниках наряду с ним используются как синонимы «огнищанин», «русин», «княж муж» или просто «муж»), часто имевшие собственные дружины. Это соратники и сотрудники князя, пользовавшиеся правом свободного выбора, кому служить. По всей видимости, старшая дружина была по своему происхождению дружиной «отцовской» и потому не только честию, но и возрастом буквально старшей. «Младшая дружина» состояла из «гридей», «отроков» и «детских» – боевых слуг князя, людей несвободного состояния.

Судьба двух этих частей дружины была различной. Старшая часть (члены которой периодически получали времен-

ные назначения судить и собирать дань с известной территории и постепенно заводили более прочные связи в земле-волости) уже с XI в. обзаводилась земельной собственностью и теряла подвижность, переставала перемещаться вместе с князем. Младшая дружина по мере разрушения архаических дружинных отношений постепенно сливается с «двором» князя – служебной организацией, обслуживающей княжеское хозяйство.

Кочующие «самодержцы»

Несмотря на значительный вес в обществе и важность управляемых князем функций, он так и не стал в Древней Руси подлинным монархом, государем. Прочная монархическая власть невозможна без земельной собственности, но, как установил еще В. О. Ключевский, в Древней Руси «понятия о князе как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владеемой территорией, еще не заметно».

В советской исторической литературе, трудами главным образом академика Л. В. Черепнина, была разработана концепция верховной княжеской собственности на землю. Однако трудно представить верховным собственником князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был рядиться с вечем и принимать выдвигаемые вечевой общиной условия. Акт княжеского призвания никак не сочетается со статусом собственника. Как писал авторитетный историк-юрист К. Д. Кавелин, «отношений по собственности нет и не может быть, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собой только по родству, старшинством».

Действительно, князья Рюриковичи постоянно перемещаются из одной земли-волости в другую. В этом их корен-

ное отличие от князей – племенных вождей древнейшей эпохи. Общеславянское слово «князь», родственное древненемецкому *kuning*, обозначало первоначально старейшину рода. Воспоминание об этом архаическом значении слова удержалось в русских свадебных песнях, в которых жениха и невесту как основателей нового рода, родоначальников, именуют «князем» и «княгиней». Варяги, подчиняя себе славянские земли вдоль днепровского торгового пути, довольствовались установлением даннических отношений, оставляя подчиненные племена жить прежним бытом со своими племенными князьями.

В уже упоминавшемся договоре, заключенном киевским князем Олегом с греками в 907 г., указывалось, что дань полагалась на все русские города «ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу». Нет никакого основания видеть в этих великих князьях потомков Рюрика. Выделение «Рюрикова рода» из общей массы «князья» происходит постепенно. По всей видимости, племенные княжеские династии пресеклись, а уцелевшие представители их влились в состав боярства в результате длительного процесса «примучивания» (то есть подчинения) киевскими Рюриковичами окрестных славянских племен. В 945 г. во главе древлян мы видим еще их собственного князя Мала, но к исходу этого столетия во всех русских землях наблюдаем только потомков Рюрика, заметно размножившихся и образовавших несколько конкурирующих династических линий.

Отношения между князьями Рюриковичами довольно сложны. Неоднократно историками предпринимались попытки объяснения их на основании какого-либо единого принципа. Наибольшей популярностью пользуется до сих пор предложенная С. М. Соловьевым и развитая В. О. Ключевским гипотеза «очередного порядка» или «лествичного восхождения» князей. В соответствии с этой гипотезой Русь находилась в нераздельной собственности всего рода Рюриковичей. При этом существовало понятие об иерархии земель (старшим городом считался Киев, за ним шли Чернигов, Переяславль и т. д.) и параллельной иерархии княжеского рода по старшинству. После кончины очередного киевского князя две эти иерархии должны были заново приводиться в соответствие: на киевский престол переходил старший во всей династии Рюриковичей (как правило, это был не сын, а брат почившего князя), следующий за ним по старшинству перебирался в Чернигов и так далее. Однако и этот порядок, по мнению авторов гипотезы, устанавливается только со времени Ярослава Мудрого, а до того, по мысли В. О. Ключевского, «при отце сыновья правили областями в качестве его посадников», когда же отец умирал, «разрывались все политические связи между его сыновьями... между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права». Эта гипотеза позволяет объяснить гораздо меньшее число фактов, нежели остается фактов, ей противосто-

речащих, так что Ключевскому приходилось признавать, что этот «очередной порядок» «действовал всегда и никогда – всегда отчасти и никогда вполне».

Прямо противоположную гипотезу выдвинул в конце XIX в. историк-юрист В. И. Сергеевич. Он настаивал, что все отношения между князьями «Рюрикова дома» носят исключительно договорный характер. Этими договорами, до XIV в. заключавшимися в устной форме, устанавливались вполне произвольно взаимные отношения старшинства князей по «чести» вне зависимости от кровного родства. Князь, испытывая судьбу, считал себя вправе «искати» любого стола и в случае удачи приобретал более «чести». Князь, признававший себя по такому договору «братом младшим», мог приходиться в действительности своему «брату старейшему» дядей. Средством выяснения взаимного старшинства служили почти непрерывные княжеские «усобицы» (вооруженные конфликты, в которых князь воевал «о себе» – отсюда слово «усобица», – а не за земские интересы).

Несмотря на то что в рамках обеих гипотез было сделано много полезных наблюдений, ни одна из них не может претендовать на полное описание реального механизма между княжеских отношений. Перемещение князя из одной волости в другую определялось множеством факторов – княжескому стремлению занять определенный стол могло воспрепятствовать как противодействие другого князя-претендента, так и вмешательство интересов главного областного го-

рода, мало считавшегося с княжеским старшинством.

Первой попыткой установления наследственности княжеских столов считается предсмертное завещание Ярослава Мудрого. Этот «ряд Ярославль» в изложении Лаврентьевской летописи предписывал:

«Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви.

Ни из чего не следует, что это предсмертное распоряжение Ярослава – акт частного права – имело значение общегосударственной нормы. Даже собственные дети не испол-

нили его завещания. Мирное соправление Ярославичей продолжалось недолго. В 1073 г. между ними началась кровопролитная усобица, продолжавшаяся до 1078 г., после завершения которой князья стали предпринимать энергичные усилия к установлению большего порядка в междукняжеских отношениях. Однако известное постановление княжеского съезда, собравшегося в Любече в 1097 г., гласящее: «...каждый да держит отчину свою» (то есть не ищет других княжений, кроме тех, которые занимали его непосредственные предки), – еще долгое время оставалось благим пожеланием. Лишь постепенно происходит закрепление определенных земель за определенными княжескими линиями. Эта общая тенденция отчасти была связана с «оседанием на землю» дружины. Отчасти укрепление княжеской власти и более тесная связь князя с известной волостью возникали вследствие того, что в каждой волости со временем увеличивался удельный вес населения, находящегося под непосредственной княжеской юрисдикцией.

Помимо княжеских «мужей», дружины, под собственной юрисдикцией князя вне власти земских городских органов оказывались знаменитые смерды – одна из самых загадочных категорий населения древнерусской волости, о статусе которой на протяжении столетия шли в науке ожесточенные споры. Смерды выступают как один из разрядов неполноправного населения, что выражается в пониженном штрафе за убийство смерда и низкой цене его службы. В 1016 г.

Ярослав, награждая участников похода, приведшего его на киевский стол, выдал «смердам по гривне, а новгородцам по десять гривен всем». Однако характер неполноправности смерда из юридических памятников неясен. Многие историки трактуют смердов как категорию феодально-зависимого населения, однако смерды не находятся в частной зависимости, а являются княжескими людьми. В частности, выморочное имущество смерда отходит князю.

Ключ к пониманию положения смердов дает наблюдение, сделанное И. Я. Фрояновым: тогда как свободное население волости, «люди», платит полюдье – общегосударственный налог, смерды всегда в источниках оказываются плательщиками дани, которая имеет значение военной контрибуции или платы за несостоявшийся набег. Смерды наших древнейших памятников (с XIV столетия это просто бранное слово) – недавно покоренные и обложенные данью племена, как правило неславянские. Толковать несвободное состояние этих «внешних смердов» как феодальную зависимость не представляется возможным. Они жили традиционным бытом и внутри своих общин были свободны, но община смердов как целое облагалась данью. Помимо них существовали «внутренние смерды», то есть представители тех же племен, переселенные вглубь земли-волости на положении государственных рабов. Князья изначально несли в волости обязанность «блюсти смердов», составлявших тем самым собственную социальную опору князя, со временем

увеличивавшуюся.

С тремя политическими силами, которые так наглядно взаимодействуют в легенде о призвании Рюрика, связаны различные варианты исторического пути городов-государств Древней Руси. Постоянная борьба трех политических сил приводила в разных землях к различным результатам. В киевской и северо-западных волостях постепенно усиливаются демократические вечевые институты, в Юго-Западной Руси заметны олигархические тенденции, связанные с усилением положения боярства. Здесь бояре сожгли на костре любовницу князя Ярослава Осмомысла, когда он захотел передать престол сыну от нее в обход сына от законной жены, а на княжеском столе некоторое время сидел боярин Владислав Кормиличич (единственный случай на Руси). На северо-востоке – во Владимиро-Суздальской области – обозначились монархические тенденции. Однако борьба эта была далека от завершения, и условия для становления монархии (и то первоначально только во Владимиро-Суздальской Руси) сложились уже за пределами древнерусского периода отечественной истории.

Подробнее на эту тему

Вернадский Г. В. *Киевская Русь*. М., 2001 (<http://gumilevica.kulichki.net/vGv/vgv2.htm>).

Данилевский И. Н. *Древняя Русь глазами современников*

и потомков (ix – xii вв.). М., 1999 (<http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/index.htm>).

Пресняков А. Е. *Княжое право в древней Руси: Очерки по истории x – xii столетий.* М., 1993.

Сергеевич В. И. *Русские юридические древности.* СПб., 1902.

Фроянов И. Я. *Начала русской истории.* М., 2001.

1252. Меж Ордой и орденом

24 июля 1252 г. в канун памяти святых Бориса и Глеба под стенами Владимира явилась ордынская рать. Событие было чрезвычайное по многим причинам. Двенадцать лет на Руси не видали вооруженных монголов. К тому же на сей раз пришли они не сами собой, а были «наведены» одним из русских князей на другого. А что еще более существенно, приход войска царевича Неврюя по просьбе князя Александра Ярославича означал, что этот сильнейший из князей Северо-Восточной Руси сделал окончательный выбор в пользу союза с Ордой – выбор, в значительной степени определивший весь дальнейший ход отечественной истории, ибо с прихода «неврюевой рати», собственно, и начинается установление на Руси ордынского ига.

Нашествие и иго

Тринадцатое столетие – век глубокого перелома в истории Руси. Со времени выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина перелом этот связывают с установлением «монгольского ига». Это удивительное слово в значении формы военно-политической зависимости со «страдательным» оттенком, впервые введенное в ученый обиход Карамзиным, пережило в школьных учебниках императорский и советский периоды и удерживается до сих пор.

Иго (латинское *jugum* от *jungere* – «соединять») – всего-то навсего воловье ярмо, которое надевали на шею побежденному предводителю варваров во время триумфального входа военачальника-победителя в Рим. Выбирая именно это слово, Карамзин следовал библейской церковнославянской традиции, в которой оно употребляется в двух смыслах: как ярмо, бремя, тяжесть (в прямом и переносном смыслах) и как владение, господство.

Обычно такие художественные образы в научном и школьном обиходе не приживаются, но «иго» живет уже второе столетие. Живучесть слова, по всей видимости, объясняется его замечательными «камуфляжными» свойствами, благодаря которым в массовом сознании россиян двухсотлетние отношения с Ордой представляются едва ли не непре-

рывным Батыевым погромом.

Если присмотреться внимательно, то окажется, что под игом понимается форма даннических отношений, при которых русские князья обязаны были периодически выплачивать ордынским ханам денежную дань и предоставлять войска для ордынских походов, а взамен получали ханский ярлык на княжение – удостоверение, что предьявитель находится под защитой и покровительством хана. Отношения такого типа были широко распространены как в Западной Европе, так и на Востоке и в своей наиболее известной форме называются вассальными отношениями. Ничего унижительного, по средневековым понятиям, даннические отношения не заключали. Для чего же понадобилось называть эти отношения туманным словом «иго»?

Ответ, по всей видимости, заключается в том, что «иго» позволяет избежать бестактного разговора об обстоятельствах и способах установления этой зависимости. «Иго» продолжает воспроизводиться в наших учебниках, чтобы замуфлировать тот неприятный факт, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды есть результат сознательного выбора и целенаправленной политики князей.

Едва ли не во всех доступных широкой публике учебниках и популярных исторических сочинениях дело представляется так, будто пресловутое иго установилось сразу после Батыева нашествия 1237–1240 гг. Беда, однако, в том, что даннические отношения такого рода не «возникают», не

«складываются» и не «устанавливаются» сами собой. Это договорные отношения, и они должны быть зафиксированы юридически значимым актом. В Западной Европе вассал должен был, став на колени, произнести формулу присяги – оммажа, сюзерен – нанести ему символический удар мечом плашмя по спине и также произнести свою часть ритуальной формулы; в Монгольской империи был особый ритуал, скреплявший отношения старшего хана с поступавшим под его власть «улусником».

Первым из русских князей совершил этот обряд по монгольскому обычаю великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейшее из сохранившихся до нашего времени повествований об этих событиях – Лаврентьевская летопись – эпическим слогом сообщает, что в 1243 г. великий князь Ярослав поехал к Батыю, а сына своего Константина послал к великому хану в Каракорум; Батый же «почтил Ярослава великою честью» и даровал ему старейшинство во всей Руси³. То есть князь по собственной воле отправился в Сарай на Нижней Волге – кочевую ставку только что вернувшегося из похода в Западную Европу Батыя, принес присягу, по-монгольски – шерть, и сделался данником хана.

На следующий год его примеру последовали другие князья Северо-Восточной Руси – Владимир Константинович,

³ «Великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла к Канови; Батый же почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке». Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью».

Борис Василькович, Василий Всеволодович поехали в Орду и получили от Батыя ярлыки на свои «отчины».

Учебники даже если и упоминают об этих поездках, то, как правило, объясняют покорность князей Северо-Восточной Руси непреодолимостью монгольской силы, которой не могли противостоять разобщенные земли и княжества, опустошенные нашествием. Все эти традиционные аргументы имеют силу только с существенными оговорками.

Древнейшие наши летописи при описании нашествия действительно всячески подчеркивают многочисленность, силу и неутомимость «татар». Однако летописный текст не следует понимать буквально, летопись – не столько описание, сколько способ осмысления событий. Нашествие «иноплеменных» рассматривалось книжниками как бич божий, кара господня, а монголам приписывались черты библейских «нечистых» народов, появление которых знаменует начало светопреставления. Летописные фрагменты, повествующие о нашествии, часто буквально совпадают с текстами библейских пророчеств.

Ранние летописи по этой причине не содержат никаких цифр. Единственное точное указание численности монгольского войска находится в позднейшем и недостоверном источнике, знаменитой «Задонщине», где сказано, что «у Батыя было четыреста тысяч окованная рати», то есть только тяжелой конницы. Это, разумеется, преувеличение, такого множества бойцов не было во всей Монголии XIII в. Проти-

воположную крайность представляет мнение Льва Гумилева, утверждавшего, что «у Батыя и его братьев было всего 4 тысячи всадников». Однако невозможно представить себе, чтобы такое малочисленное войско прошло без единого поражения от Волжской Булгарии до Адриатики, разгромив не только русские полки, но и шестидесятитысячную польско-немецко-моравскую рать в битве при Легнице. Широкое распространение получили расчеты В. В. Каргалова, оценивавшего общую численность Батыева войска в 120 тыс. воинов на том основании, что обычно монгольские ханы командовали в походе туменом (по-русски – тьма, отряд численностью 10 тыс. человек), а вместе с Батыем пришло от 12 до 14 ханов. Но цифра, полученная Каргаловым, по всей видимости, требует уточнения. В современной научной литературе большее доверие вызывает другой способ расчета. В 1235 г. на съезде монгольской знати – курилтае – было решено отправить в Великий поход на Запад половину всех имперских сил, то есть, по расчетам современных демографов, примерно 70 тыс. человек. Войско действительно немалое, но едва ли можно говорить о подавляющем превосходстве монголов в живой силе даже во время кампаний 1237–1240 гг., не говоря уже о времени после 1242 г., когда значительные силы, подчинявшиеся непосредственно императорскому правительству, оставили приволжские степи, где Батый образовал собственное государство – Золотую Орду. Название, кстати, условное, оно появляется в русских источни-

ках хvі в., когда основанная Батыем держава уже распалась на отдельные ханства. Сами монголы называли эту территорию «улусом Джучи», то есть землей, принадлежащей сыну Чингисхана Джучи и его наследникам.

Степень разорения Руси в 1237–1240 гг. также сильно преувеличивается в результате излишнего доверия историков летописным эсхатологическим описаниям. Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть Новгородской земли вообще не были затронуты нашествием. Но и взятие Батыем того или иного города было событием, разумеется, трагическим, однако отнюдь не катастрофическим. Все крупные города, которыми овладели монголы, в дальнейшем продолжали существовать в качестве значительных центров. Летописное известие о том, что «весь Киев разбежался», «не терпя татарьского насилья», относится к 1300 г., то есть окончательный упадок Киева наступил через семь десятилетий после нашествия и под влиянием совершенно иных факторов. Единственная столица крупного древнерусского княжества, на месте которой нет современной городской застройки, Старая Рязань, длительное время претендовала на звание русских Помпеев – города, погибшего в одночасье под ударами монголов. Но это представление не соответствует летописным и археологическим источникам. «Повесть о разорении Рязани» описывает восстановление города непосредственно вслед за нашествием таким образом: «Благоверный князь Ингварь Ингваревич, назван-

ный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя». Археологические изыскания последних десятилетий подтверждают, что Старая Рязань в течение по крайней мере столетия после нашествия не только была оживленным городом, о чем говорит обилие керамики второй половины XII – начала XIV в., но и сохраняла статус важного политического центра. Об этом, в частности, свидетельствует обнаруженная здесь медная пластина, украшенная золоченым рисунком поверх черного лака. Эта очень дорогая техника, как правило, употреблялась для украшения парадных дверей главных соборов крупнейших городов. Замечательно, что старорязанская пластина датируется XIV в.

В целом современные археологи убеждены, что упадок многих поселений, ранее приписывавшийся монгольскому нашествию, произошел существенно позже и под действием факторов климатического характера. Появление монголов совпало с длинной чередой чрезвычайно дождливых лет, в результате чего старые пашенные участки в речных долинах были заброшены, зато велась распашка более возвышенных земель на водоразделах. Население перемещалось и вследствие истощения лесных угодий, что негативно сказывалось на лесных промыслах и связанной с ними торговле пушни-

ной, медом и воском. Эти перемены неизбежно должны были привести (и в полстолетия привели) к изменению сравнительной мощи городских поселений, некоторые из которых пришли в упадок, вовсе не пострадав во время «Батыева погрома». Разруха, вызванная собственно нашествием, продолжалась недолго, и «структуры повседневности» были восстановлены в кратчайшее время. Показательно, что уже в 1239 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович собрал довольно сил для крупного похода и разорил город Каменец на границе Киевских земель, где княжил в это время его противник Михаил Черниговский, а на обратном пути разбил литовский отряд, вторгшийся в пределы смоленской земли, и «урядил» смолян, «посадив» им против их воли князя Всеволода Мстиславича.

Таким образом, современная наука накопила немало доказательств того, что разрушительные последствия монгольского нашествия в традиционной литературе сильно преувеличены. Страна хотя и понесла значительные потери, но сохранила достаточно сил для сопротивления монголам и отстаивания независимости. Так, во всяком случае, считали многие влиятельные современники событий, князья и лидеры городских общин. Ориентация Северо-Восточной Руси на союз с Ордой утвердилась в результате острой внутренней борьбы.

Водружение ярма

Для того чтобы отбиться от монголов, разумеется, нужны были совокупные усилия всех русских княжеств. И надо заметить, что удельный порядок вовсе не препятствовал организации совместных военных предприятий, в которых нередко принимали участие практически все русские земли (как в походе Андрея Боголюбского на Киев в 1174 г.). В марте 1238 г. в битве на реке Сити монголам противостояли соединенные силы Владимирского, Ярославского, Углицкого и Юрьевского княжеств, однако их было явно недостаточно. Соединение усилий Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было вполне возможно, а кроме того, для борьбы с монголами можно было опереться на помощь внешнего союзника.

Такого союзника естественно было искать на Западе. Вся Европа в те времена, несмотря на взаимные анафематствования в 1054 г. папы римского и константинопольского патриарха, еще считалась относительно единым «христианским миром», номинальным главой которого был папа. Одним из первых русских князей вступил в переговоры с папской курией Михаил Черниговский, отправивший в 1245 г. на Лионский собор своего кандидата на Киевскую митрополичью кафедру – игумена Петра Акеровича. В том же 1245 г. вступил в сношения с Римом Даниил Галицкий, вызвавший го-

товность в ответ на помощь против татар признать «Римскую церковь матерью всех церквей». Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович также, по всей видимости, не рассматривал присягу Батыю как окончательное и бесповоротное решение вопроса о политической ориентации. Во всяком случае, в 1246 г., во время поездки в столицу Монгольской империи Каракорум, куда он был вызван для «утверждения» великим ханом (Золотая Орда номинально оставалась частью монгольской державы, и назначенцам Батые требовалось утверждение великого хана), он вел переговоры о союзе с папским легатом Джованни дель Плано Карпини и, по уверению Карпини, согласился принять покровительство римской церкви. Не исключено, что эти переговоры, о которых донес Туракине – матери великого хана Гуюка, фактической правительнице империи – русский толмач Темер из свиты Ярослава, и послужили причиной убийства князя в Каракоруме. По свидетельству Карпини, он был отравлен «матерью императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело».

Великим князем владимирским в соответствии с традиционным порядком стал младший брат Ярослава Святослав Всеволодович. Но уже в конце 1247 г. его племянники Александр и Андрей Ярославичи отправились к Батыю. Они оспаривали великокняжеский стол, ссылаясь на акт ханского по-

жалования их отцу и указывая, что ханское пожалование сильнее обычая. Батый не решился своей властью разрешить спор и отправил братьев в Каракорум.

В 1249 г. новая правительница империи вдова хана Гуюка Огуль-Гамиш признала Александра Ярославича «старейшим» среди русских князей: он получил Киев. Но великое княжение владимирское было пожаловано Андрею. Александр предпочел не ехать в удаленный и сильно разоренный город и продолжал княжить в Новгороде.

Андрей Ярославич, сев во Владимире в качестве ставленника Каракорума, попытался не только проводить политику, независимую от Золотой Орды (что облегчалось конфликтом внутри империи – у Батыя были натянутые отношения с кланом Гуюка), но вместе с младшим братом Ярославом, княжившим в Твери, начал создавать коалицию для совместной борьбы с монголами. Он заключил союз с сильнейшим князем Южной Руси Даниилом Романовичем Галицким. Союз был скреплен в 1250 г. браком Андрея с дочерью галицкого князя, несмотря на то что при этом нарушались нормы церковного – канонического – права, не допускавшие брака между близкими родственниками, в данном случае двоюродными братом и сестрой.

Даниил Романович также готовился выступить против татар и вел интенсивные переговоры с римской курией, которая в этот период стала проявлять большой интерес к русским княжествам как к возможным участникам антимон-

гольской коалиции. Переговоры Даниила Галицкого с Римом привели в 1246 г. к формальному распространению власти папского престола на Галицко-Волынскую землю. Немногие сохранившиеся документы (до нас дошли папские буллы, но писем русских князей в нашем распоряжении нет) позволяют тем не менее утверждать, что, выражая готовность подчиниться римской церкви, Даниил Галицкий преследовал исключительно политические цели. Не случайно уже в одну из первых папских булл, посланную в мае 1246 г., включено обещание «совета и помощи» против татар. Между тем от прямого подчинения духовной иерархии Риму Даниил сумел уклониться. Выдвинутый им кандидатом на киевскую митрополию княжеский печатник Кирилл в 1246 г. был направлен для утверждения в Никею к патриарху Мануилу ii, изгнанному крестоносцами-католиками из Константинополя.

В разгар этих антимонгольских приготовлений удар по создаваемой коалиции неожиданно нанес Александр Ярославич, которому, разумеется, не могло быть приятно назначение на почетный, но утративший всякое значение киевский стол. До времени князь терпел. Изменение положения дел в Каракоруме облегчило ему разрешение задачи. Не благоволившая Батюю Огуль-Гамиш была свергнута 1 июля 1251 г., а великим ханом стал друг и ставленник Батыя Мунке. Между ними, по всей видимости, существовало соглашение о полной автономии Батыева улуса. Руки Батыя оказались раз-

вязаны, чем и не преминул воспользоваться Александр Ярославич, которому Батый благоволил.

Лаврентьевская летопись (древнейшая из содержащих рассказ о драматических событиях 1252 г.) кратко сообщает, что ходил «Александр князь новгородский Ярославич в татары, и отпустили его с честью великою, дав ему старейшинство во всей братьи его». По сообщению Василия Никитича Татищева, который, работая в 1730-е гг. над своей «Историей Российской», пользовался многими не дошедшими до нас источниками, свои притязания на владимирское великое княжение князь Александр подкрепил изветом на брата: «Жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна».

В промежутке между прибытием Александра в Орду и возвращением его с «честью» Батый отправил на Русь две карательные экспедиции: одну под командованием Неврюя – против Андрея, другую под руководством Куремсы – против Даниила Галицкого. Андрей и его брат Ярослав были разбиты в сражении у Переславля, после чего Андрей бежал в Швецию, а Ярослава призвали на княжение псковичи⁴.

⁴ Лаврентьевская летопись так описывает эти события: «Здума Анрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю со княгынею своею и с бояры своими». «И погнаша Татарове в след его, и постигоша и у города Переяславля. Бог же сохрани и и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дети изыма-

Даниил Галицкий со своей стороны без большого труда отразил нападение Куремсы и повел более решительные переговоры с Римом, требуя в обмен на признание власти папы в церковных делах Южной Руси реальной военной помощи против татар. Дело было улажено в 1253 г.: в обмен на твердое обещание польских князей выставить войско в помощь Даниилу против татар галицкий князь согласился принять от папы королевскую корону.

Получив ярлык на великое княжение и обосновавшись во Владимире, Александр Ярославич, опираясь на монгольскую силу, предпринял шаги по закреплению за собой прав на Новгород, добиваясь признания республикой своим князем того, кто занимал великокняжеский стол во Владимире. Во всяком случае, став великим князем Владимирским, Александр сохранил за собой и новгородское княжение, посадив там своего старшего сына Василия, только с правами наместника.

Новгородцы решительно воспротивились новому порядку. В 1255 г. сторонники самостоятельности выгнали из города Василия Александровича и пригласили из Пскова младшего брата Александра, князя Ярослава Ярославича. Александр двинулся на Новгород ратью и, став под городом, потребовал покорности и выдачи своих противников из числа

ша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгнью убиша, и дети Ярославли в полон послаша, и людии без щисла поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша».

новгородской знати. Горожане раскололись на две партии. «Меньшие» бояре во главе с посадником Ананьей Феофилактовичем, которых поддерживали простые люди (чернь) и купцы, дали клятву стать всем не на живот, а на смерть «за правду новгородскую, за свою отчину». «Великие» бояре, сторонники Александра, готовились «побити» меньших людей, а князя ввести «на своей воле». Следует обратить особое внимание на то, что в этот период именно новгородское простонародье твердо стояло за старинные вольности и добилось от князя уступок. Столкнувшись с упорным сопротивлением, Александр Ярославич сбавил тон и вместо выдачи всех «врагов» требовал уже только головы Ананьи, угрожая в противном случае пойти на город «ратью». Высланные для переговоров с князем архиепископ и тысяцкий достигли компромиссного решения – Ананья должен был лишь оставить пост посадника, который занял ставленник «великих» бояр Михалко Степанович, вскоре возвратился и великокняжеский наместник Василий Александрович.

Но противоборство Александра с новгородцами на этом не завершилось. Вскоре произошло новое выступление новгородской оппозиции. Обстановка в городе обострилась, когда монголы решили ввести в русских землях регулярную систему сбора дани. Для этого в 1257 г. в Новгородскую, Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли были отправлены монгольские «численники», которые должны были произвести поголовную перепись населения. Александр Ярославич,

недавно вернувшийся из очередной поездки в Орду, со своей дружиной сопровождал монгольских переписчиков. Новгородцы взбунтовались, причем на сторону противников подчинения великокняжеским притязаниям и татарским требованиям стал и наместник – сын Александра Ярославича Василий. Новгородцы не дали татарским послам регулярных сборов – «десятины и тамги», ограничившись дарами хану. Монголы отправились восвояси. Не добившись полной покорности сюзерену, Александр жестоко расправился с мятежниками: Василия «выбил» из Пскова (куда тот бежал при приближении отца) и отослал в Суздальскую землю, а тем, кто подбил его на неповиновение, «овому носа урезаша, а иному очи выимаша».

Неудача переписи в Новгороде, несомненно, вызвала недовольство Орды. В 1258 г. Александр был вызван в Сарай и получил военную подмогу для обуздания новгородцев. В 1259 г. дружина Александра Ярославича явилась под Новгородом вновь в сопровождении значительного татарского отряда. Новгородские власти, опасаясь погрома, согласились на ордынскую перепись, но, когда татарские переписчики, сопровождаемые дружинниками Александра, начали «ездить окаянные по улицам, переписывая дома христианские», в городе вновь поднялся мятеж⁵. После недолго-

⁵ Сопrotивление переписи помимо чисто прагматического – новгородцы не желали платить дань (ордынский выход), не считая себя связанными обязательствами владимирского князя, – имеет и религиозный мотив. Отказ от «дачи числа» был связан с защитой правой веры. Дело в том, что сам факт исчисления лю-

го сопротивления новгородцы были сломлены и «дали число», успеху Александра содействовали «великие» бояре, которые, по выражению летописи, творили «себе легко, а меньшим зло». Александр уехал вместе с татарами, оставив наместником своего второго сына Дмитрия. Так был подавлен еще один очаг сопротивления ордынскому игу.

Союз Александра Ярославича с Ордой предопределил подчинение татарами и Юго-Западной Руси. Даниилу Галицкому, оставшемуся без союзников в русских землях, труднее было добиться помощи католической Европы. Монголы, состоящие в союзе с князем-христианином, перестали казаться Европе опасными. В 1258 г. против Даниила было отправлено большое войско под руководством одного из лучших монгольских полководцев, Бурундая, и к 1261 г. сопротивление Юго-Западной Руси было подавлено, Даниил был вынужден даже срыть укрепления многих городов.

Сопротивление установлению ордынского ига на этом, однако, не прекратилось. В 1262 г. восстание охватило практически всю Северо-Восточную Русь. В крупных городах – Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле – собрались веча, горожане, взявшие в свои руки власть, изгнали и частью пере-

дей в сознании средневекового христианина был делом небогоугодным и прямо греховным. Во всяком случае, ветхозаветный царь Давид глубоко раскаивался в проведении переписи: «И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сочитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я» (2 Цар. 24, 10).

били ордынских чиновников и откупщиков дани (часто это были купцы-мусульмане и даже русские люди вроде поразившего воображение современников бывшего монаха Зосимы, принявшего ислам). Позднейшие летописи пытались изобразить русских князей вдохновителями восстания. Устюжская летопись xvi в. даже сообщает, безусловно, вымышленный эпизод о рассылке Александром «грамоты», «что татар бити». Но Александр Ярославич, разумеется, не имел отношения к народному движению – ранние летописи ни слова не говорят об участии в нем князей, а хвалебное «Житие» Александра вовсе не упоминает о восстании. При самом начале восстания Александр поехал в Орду, цель и исход этой поездки нам неизвестны. «Житие» и единственная летопись, упоминающая о ее причинах, сообщают, что хан Берке потребовал присылки русских войск для участия в монгольских походах («гоняхуть христиан, веляще с собою воинствовати»), а князь отправился в Орду, «дабы отмолити людий от беды тоя». Панегиристы князя предполагают, что в результате его «дипломатических усилий» хан оставил восстание безнаказанным. Но скорее всего, хану Берке, который в это время вел тяжелую войну с ильханом Персии, было не до Руси, и он предоставил разбираться с горожанами самим русским князьям, в преданности которых мог быть вполне уверен. Известно, во всяком случае, что русские отряды впоследствии неоднократно участвовали в монгольских походах.

Таким образом, целенаправленными и долговременными усилиями князя Александра Ярославича ордынское иго над Русью было установлено.

Миф о Крестовом походе

Какие же цели преследовал князь Александр, подводя Русь под ордынское ярмо? Скудость наших источников не позволяет ответить на этот вопрос совершенно однозначно. Поэтому в ходу несколько версий. Традиционная панегирическая трактовка действий Александра Ярославича, несколько модифицированная в 20-е гг. XX в. историками-евразийцами (главным образом Георгием Вернадским) и получившая в последние десятилетия особенно широкую известность в биологически-пассионарной версии Льва Гумилева, сводится к тому, что князь, заключив союз с Ордой, предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас русское православие – основу национальной самобытности.

В основании этой версии лежит представление о глубоком культурном противостоянии православной Руси и католической Европы, будто бы двинувшейся в XIII столетии на Русь Крестовым походом с целью вернуть православных «схизматиков» «в лоно истинной церкви». Орда же представляется историками этого направления в идиллическом виде совершенно толерантного и веротерпимого государства, союз с которым не внушал никаких опасений за чистоту православной веры.

Миф о «благочестивом» князе, стойко противостоящем ка-

толической угрозе, начали творить уже вскоре после кончины Александра Ярославича, в конце хiii в., когда было составлено его знаменитое житие. В этом памятнике, написанном книжником из окружения митрополита Кирилла (который, напомним, получил поставление в Никее – самом антикатолическом месте тогдашнего мира) при участии сына Александра Невского, князя Дмитрия Александровича, вполне заурядная пограничная стычка на Неве впервые приобретает чуть ли не вселенские масштабы столкновения цивилизаций. По сообщению жития, из которого в основном переписываются батальные картины в наши учебники, на Неве в июле 1240 г. высадилась не просто ватага шведских искателей приключений – явилась рать «короля части Римския от полунощные страны», то есть «католической части Севера». Широкую известность получил эпизод жития о неудаче католической миссии, присланной для обращения Александра Ярославича. Послы из Рима так говорили князю: «Папа наш сказал: «Слышал я, что ты князь славный и храбрый и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от двенадцати моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Гемонта, да послушаешь ученья их о законе Божьем». Папские посланцы получили отрицательный ответ в предельно резкой форме, князь после раздумья «с мудрецами своими» будто бы отвечал: «Все это нам хорошо известно, а учения вашего мы не примем».

Ориентация православной церкви на Восток вполне объ-

яснима. Она едва ли могла много приобрести в результате политического союза русских князей с католической Европой и могла потерять очень много в результате обострения отношений с татарами. Церковь в монгольской державе обладала значительными льготами. Только «церковные люди» не подлежали переписи и не несли никаких повинностей. Церковь всячески стремилась упрочить добрые отношения с Ордой, в 1263 г. митрополит Кирилл основал новую православную епархию в столице Золотой Орды Сарае, установив тем самым дополнительный канал постоянных дипломатических сношений с ханами; его примеру вскоре последовала и католическая церковь. Неудивительно, что православные иерархи были верными союзниками Александра Ярославича в его промонгольской политике. Когда князь вернулся из Орды в 1252 г. во Владимир, митрополит Кирилл устроил ему торжественную церковную встречу и сам венчал Александра Ярославича на великое княжение, в 1256 г. митрополит даже сопровождал князя в финский поход, а позднее произнес по нем надгробную речь, где впервые появилась знаменитая позднее формула «зашло солнце земли Суздальской».

Уже в 80-е гг. xiii в. во Владимире начинается почитание Александра Ярославича как святого, в 1380 г. состоялось открытие мощей, а церковный собор 1547 г. формально канонизировал князя в качестве благоверного, то есть защитника истинной веры. Следует иметь в виду, что все это были периоды обострения отношений русской православной

церкви с католиками. На церковном соборе в Лионе 6 июля 1274 г. греческая депутация во главе с печатником константинопольского патриарха Георгием Акрополитом принесла присягу в том, что греки «отрицаются от всякого разделения с римской церковью и признают ее главенство». И хотя эта Лионская уния, заключенная под давлением византийского императора Михаила Палеолога, носила чисто политический характер (греки даже сохранили Символ веры без римского добавления об исхождении святого духа «и от сына» – *filioque*), воспринята она была как акт католической экспансии. В этих обстоятельствах и создается образ Александра Невского как стойкого противника католицизма.

Однако в 40-х – начале 50-х гг. XIII столетия монгольская опасность и оживленные контакты с Римом Михаила Черниговского и Даниила Галицкого привели к заметному ослаблению напряженности в межконфессиональных отношениях. В 1245 г., выступая на соборе в Лионе с призывом к борьбе с Ордой, папа Иннокентий IV упомянул Русь в ряду «христианских» стран, разоренных татарами, а в 1248 г. вступил в переписку непосредственно с Александром Ярославичем.

В своем послании к князю от 22 января 1248 г. папа увещевал русского князя, чтобы тот последовал примеру отца, согласившегося признать верховенство Рима, и просил в случае татарского наступления извещать о нем «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это [известие] через братьев оных дойдет до нашего све-

дения, мы могли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать».

Ответное письмо Александра до нас не дошло, но, судя по содержанию следующего послания папы (15 сентября 1248 г.), князь был готов принять «покровительство римской церкви». Во втором послании Иннокентий iv соглашался на предложение Александра построить в Пскове католический собор и просил принять своего посла – архиепископа Прусского. Но, когда в конце 1248 г. к Александру явились послы от папы за окончательным ответом на предложение о переходе в католичество, он ответил решительным отказом. Похоже, перемена мыслей князя была связана не с защитой православия, а с переменой его взгляда на возможность союза с монголами, с порядками которых он успел хорошо ознакомиться во время пребывания в Сарае у Батыея и путешествия в Каракорум.

Защитник Русской земли

Второй традиционный способ объяснять промонгольскую политику Невского связан с его образом защитника «геополитических» интересов Руси на Балтике. Традиция эта складывается в начале xviii в. В 1724 г. по распоряжению Петра Великого мощи святого были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург. Очевидно, что эта акция должна была служить символическому закреплению за Россией прав на новообретенные в результате Северной войны земли. Не случайно по приказу Петра празднование памяти Александра Невского было установлено 30 августа – в день заключения Ништадского мира со Швецией. В дальнейшем этот образ был закреплён в отечественной социальной памяти целым рядом официальных символических жестов. В 1725 г. Екатерина I учредила высший военный орден имени Александра Невского, а в 1753 г. был учреждён ежегодный крестный ход из Казанского собора в Петербурге в Александро-Невскую лавру.

К этому образу после непродолжительного перерыва обратились и советские власти в начале Великой Отечественной войны. В 1941 г. был выпущен на экраны ставший знаковым фильм Эйзенштейна «Александр Невский», снятый ещё в 1938 г., но ввиду союзных отношений СССР и Германии «положенный на полку». Вскоре после выхода фильма

на экраны его создатели были удостоены Сталинской премии.

В основе этой трактовки мотивов Александра Ярославича лежит представление о скоординированной и планомерной «агрессии немецко-шведских феодалов» в Прибалтике. Решительные же действия Александра Ярославича, как писали в советские времена, «предотвратили потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси».

В действительности собственно русские земли никогда не были целью немецкой и шведской экспансии, речь идет об освоении «буферных» территорий, заселенных языческими племенами, не имевшими собственной государственности.

Проникновение немцев в Ливонию – прибалтийские земли, населенные племенами ливов, латгалов, земгалов, куршей и эстов – начинается на рубеже XII – XIII столетий. Это были торговые люди, выходцы из Вестфалии и Любека, которые уже раньше завели фактории в городке Висби на острове Готланд. Вскоре вслед за купцами двинулись католические миссионеры. Первым епископом Ливонии был назначен Мейнгард (1186–1196). Новая епископия, столицей которой был городок Иксуль, находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало сильное сопротивление местных племен, несмотря на то что Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир. Мейнгард неоднократно взывал к римскому папе Целестину III, который практической помощи

не подал, хотя и много обещал. Более успешной была поначалу деятельность второго ливонского епископа Бертольда (1196–1199), которому удалось в 1198 г. организовать крупный крестовый поход, но уже в следующем году епископ погиб в столкновении с язычниками. Третьему ливонскому епископу Альберту фон Буксгевдену (1199–1229) удалось усмирить ливов. Весною 1201 г. он основал новый город – Ригу – и перенес туда епископскую кафедру. В 1202 г. для распространения христианства на восточном побережье Балтийского моря Альберт основал духовно-рыцарский орден меченосцев. В 1207 г. он отправился к германскому императору и получил от него в лен всю Ливонию.

Ведя упорную борьбу с прибалтийскими языческими племенами, главным образом эстами и литовцами, немцы нередко заключали союзы с русскими князьями и городами. Так, в 1212 г. Альберт заключил оборонительный и наступательный союз с полоцким князем Владимиром, который отказался в пользу епископа от права взимать дань с ливов и латгалов. Альберт даже породнился с псковским князем Владимиром Мстиславичем, женив своего брата на его дочери. Борьба с эстами шла успешно для ордена, но литовцы нанесли рыцарям сокрушительное поражение под Шауляем в 1236 г., после чего ослабленный орден меченосцев был слит с Тевтонским орденом и стал его филиалом.

В 1219 г. в борьбу за Восточную Прибалтику вступил Вальдемар Датский, который построил здесь крепость Ре-

вель (ныне Таллин) и овладел значительной частью земель эстов – областью Вирумаа.

К середине XIII в. в результате довольно острой борьбы за власть между магистрами ордена и рижскими епископами окончательно оформилось устройство ливонского государства, представлявшего собой средневековую федерацию, состоявшую из Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Дерптского, Эзельского и Курляндского епископств и городских общин. Крупнейшие города Ливонии пользовались самоуправлением, важнейшие решения принимали городские советы – раты, возглавляемые бургомистрами. Члены федерации, преследуя собственные интересы, далеко не всегда проводили согласованную политику. Городские власти нередко заключали договоры о торговле со Смоленском, Полоцком, Новгородом, где указывалось, что, если орден начинает войну, «немецкому купцу дела до этого нет».

Русские также нередко обращались за помощью к немцам в ходе междоусобных столкновений. Например, в 1213 г. нашел убежище в Ливонии изгнанный из Пскова князь Владимир Мстиславич, позднее помогавший рижскому епископу в борьбе с Полоцком и даже ставший фогтом (судьей и управителем) одного из орденских замков. В Ливонии же оказался его сын Ярослав и изгнанный из Новгорода тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками.

По-видимому, какую-то часть псковичей и новгородцев, заинтересованных в развитии торговли с немцами, больше

привлекали политические порядки ливонской конфедерации, чем «самовластие», к которому явно стремились Ярослав Всеволодович и его сын Александр. В 1228 г. псковичи решительно отказались участвовать в походе Ярослава Всеволодовича на Ригу и заключили договор о взаимопомощи с рижанами (в частности, рижане обязывались защищать Псков от Новгорода). Новгородцы, в свою очередь, отказались участвовать в предприятии князя «без своей братьи – псковичей». Князю пришлось оставить затею. В 1240 г. немцы вместе с князем Ярославом Владимировичем овладели псковским «пригородом» Изборском, ворота им открыли псковские бояре, бывшие с немцами в сговоре («перевет держали», по выражению летописца).

Столь же мало походила на одностороннюю шведскую «агрессию» борьба за право взимания дани с финских племен. С 1157 г. правители Швеции приступили к систематическому покорению и христианизации Южной и Центральной Финляндии, населенных племенами суоми, тавастов (сумь и емь русских летописей) и карелов. На эти языческие племена новгородцы издавна периодически устраивали набеги, облагая их данью, причем постепенно племенная верхушка включалась в состав русской знати. Южная Финляндия стала объектом довольно острой борьбы, которая велась с переменным успехом.

Шведы во время морских набегов разоряли русские поселения. Но и на шведские берега не раз обрушивались

нежданные удары с восточных берегов Балтики. Например, в 1187 г. союзные новгородцам карелы разрушили до основания шведский город Сигтуну (на месте которого позднее будет заложен Стокгольм). Городские ворота разоренной Сигтуны, сделанные в 1152–1154 гг. в Магдебурге по заказу епископа Вихмана, украшают и поныне западный фасад Софийского собора в Новгородском кремле.

Представлять эту довольно рутинную борьбу Ливонии, Дании, Швеции, Новгорода и Пскова за контроль над землями чуди, эстов, ливов, суми, еми и карел согласованной агрессией, и тем более крестовым походом против Руси нет никаких оснований. Тем не менее миф о западной угрозе был создан. Для придания ему некоторого правдоподобия идеологам промонгольской политики, проводимой князем Александром Ярославичем и его потомками, достаточно было вырвать отдельные эпизоды этой прибалтийской сутолоки из контекста и раздуть их до событий европейского, а то и мирового масштаба. Так возникли мифологизированные образы Невской битвы и Ледового побоища. Характерно, что популярная отечественная историческая литература в значительной степени черпает детали описания Невской битвы из «Жития», ну разве что не повторяет вслед за его составителем, что большая часть шведов была побита «от ангела господня» на другой стороне реки, где было «непроходно полку Александрову». Позднее, когда потомки Александра Невского образовали династию московских великих князей,

картина битвы украсилась новыми подробностями к вящей славе Александра Ярославича. Так, в московских летописных сводах с конца XV в. в качестве предводителя шведов начинает фигурировать ярл Биргер, которому будто бы лично Александр Ярославич нанес глубокую рану на лбу, «возложил ему печать на лице». Участие ярла Биргера действительно говорило бы о государственном характере шведской вылазки, а победа над ним была бы большой честью. Но, увы, Биргер Фолькунг из Биэльбо – фактический основатель современного шведского государства, жизнь которого известна в подробностях, а имя носит центральный проспект Стокгольма, – титул ярла получил только в 1248 г., шрама на лбу не имел никогда, а поход в финские земли совершил только один, в 1249 г., и вполне успешный.

Сотворение мифа об эпохальном сражении на Неве, начатое антикатолически настроенным митрополитом Кириллом, было продолжено московскими летописцами, а затем дипломатами Петра Великого, которому позарез понадобился предшественник на берегах Невы, и было завершено послушными борзописцами от истории сталинской эпохи, опыты которых должны были подготовить советский народ к борьбе с германским фашизмом. Собственно, до сих пор в основе представлений рядового российского гражданина об этой эпохе лежит полный исторических нелепостей гениальный фильм Эйзенштейна. Между прочим, блестящая критическая рецензия на сценарий этого фильма, написанная ака-

демиком М. Н. Тихомировым, называлась «Издевка над историей».

По всей видимости, о реальных масштабах сражения можно судить по потерям сторон. Русских воинов, по сообщению новгородской летописи, пало в бою 20 человек, а то и меньше, «бог весть». Но по именам летописец называет всего четверых, и в том числе сына кожевника. Внимание к столь социально незначительному персонажу, скорее всего, означает, что потери были невелики, во всяком случае сравнительно с другими подобными столкновениями, которые происходили в «буферной зоне» довольно регулярно. Из предприятий шведов и их союзников суоми наиболее известны набеги 1142, 1164, 1249, 1293 и 1300 гг. Новгородцы и их союзники карелы совершали аналогичные походы в 1178, 1187 и 1198 гг., но едва ли этот список исчерпывающий. Многие из этих предприятий были гораздо более значительны по масштабам, чем прославленная Невская битва. Например, в 1164 г. шведы пришли под Ладогу на 55 шнеках (эта большая ладья вмещала до 50 пеших или десятков конных бойцов). Горожане сожгли посад и затворились в крепости, послав за князем Святославом Ростиславичем и новгородцами, четыре дня стойко держали осаду, пока не подошла подмога, разбившая шведов наголову. Лишь небольшой части шведского отряда удалось уйти на 12 поврежденных шнеках. По всему, это был гораздо более значительный и несомненный триумф русского оружия, совершенно, однако, стершийся из народ-

ной памяти, отрихтованной столетиями официальной пропаганды.

Столь же превратный вид имеет в нашей популярной литературе и знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере. Если верить официальной советской версии, «этой крупнейшей битвой раннего Средневековья впервые в мировой истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток». Насчет «грабительства», как и в большинстве подобных предприятий, упреки могут быть обоюдными. Из массовой литературы как-то незаметно исчезает предыстория знаменитого побоища. А между тем в 1242 г. Александр Ярославич начал кампанию с того, что разорил немецкий острожек, который почему-то имеет вполне русское название Копорье, «освободил» вовсе о том не помышлявший Псков, пленив немецкий «гарнизон», состоявший из двух фогтов. Далее князь повел свое войско в землю чуди, позволив ему воевать «в зажития», то есть разорять хозяйство, и после первой неудачной стычки с немцами повернул восвояси. Неудивительно, что «вдогонь» ему пустилась не только наличная орденская сила (рыцарей в обоих ливонских орденах в это время всего было около 100, причем большая часть во главе с магистром воевала в этот момент с балтским племенем куршей), но и великое множество эстов (чуди русских летописей). Относительно масштабов столкновения и, соответственно, потерь цифры расходятся: по сообщению новгородской летописи, было убито 400 и пленено 50

немцев, а чуди «паде бещисла». Согласно ливонской «Рифмованной хронике», потери ордена составили 20 убитых и шесть пленных. Даже если летопись говорит обо всех немцах (помимо рыцарей в бою участвовали их военные слуги – кнехты, воины дерптского епископа, отряды из немецких колонистов-горожан), а «Хроника» только о полноправных рыцарях, то и тогда «поворотное» значение Ледового побоища оказывается сомнительным на фоне других подобных столкновений. Например, в сражении под Шауляем в 1236 г., где орденские войска были наголову разбиты литовцами, погиб магистр Волквин и 48 полноправных рыцарей. Скорее всего, в результате именно этого поражения крестоносцам пришлось надолго умерить завоевательный пыл. Беда только, что вспоминать об этом сражении в отечественных учебниках неудобно: все-таки под Шауляем на стороне ордена сражался большой отряд союзных псковичей – «муж двести», из которых домой вернулась едва десятая часть.

Во всяком случае, ни Невское, ни Чудское сражения не были решительными и переломными в борьбе за сферы влияния в Прибалтике. Перелом в этой борьбе наметился после того, как новгородцы в 1262 г. взяли Дерпт, а в 1268 г. совершили большой поход против датских владений в землях эстов, завершившийся кровопролитным сражением под Раковором. Шведы, несмотря на будто бы разгромное поражение на Неве, к середине XIII в. покорили всю Финляндию и в конце столетия приступили к завоеванию Карелии. В 1293 г.

они построили крепость Выборг на берегу Финского залива, а в 1300-м – Ландскруну на Неве. Относительно устойчивая граница между владениями Новгорода и Швеции была установлена только Ореховским миром в 1323 г.

Знаменательно, что сам Александр Невский в последние десять лет жизни участия в борьбе за Прибалтику не принимал, хотя, казалось бы, должен был использовать на этом направлении всю мощь своего ордынского покровителя. Единственное исключение – зимний поход 1256 г. в Южную Финляндию, который описывается в летописи чрезвычайно туманно, без всякого указания мотивов и целей, сообщается только, что русским дружинам удалось убить и захватить в плен много финнов «и придоша... вси здорови» (эта стандартная летописная формула обычно употреблялась для описания неудачного военного предприятия). Так что едва ли обеспечение тыла для борьбы с западной экспансией в Прибалтике было главным мотивом Александра Ярославича при установлении вассальных отношений с Ордой.

Благоверный прагматик

По всей видимости, прав наш современник, историк Антон Горский, утверждающий, что в действиях Александра Ярославича не следует искать «какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, «прагматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично. Когда это был решительный бой, он давал бой; когда наиболее полезным казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение». С этим можно было бы и согласиться, осталось уточнить, что именно князь считал «полезным».

Основная деятельность князя в последнее десятилетие его жизни позволяет ответить на этот вопрос вполне однозначно. Союз с монголами значительно облегчал великому князю укрощение строптивых вечевых городов, с которыми владимирские князья боролись со времен Юрия Долгорукого. Союз с Западом неизбежно усилил бы позиции городов, поскольку города Западной Европы уже давно освободились от власти феодальных сеньоров. Русь неизбежно втягивалась в систему европейского права, способствовавшего укреплению модели власти, связанной с договорными отношениями автономных сторон.

А вот система правления, принятая в монгольских улусах, устраивала Александра Ярославича вполне. Живыми штрихами ее рисует Плано Карпини: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники же – десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. <...> Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми... ибо среди них нет никого свободного». Получая из рук хана ярлыки на княжение, русские князья приняли и постепенно утвердили на Руси эту модель властных отношений. Под властью Орды уже не могли далее сохраняться старинные дружинные отношения. Князья Северо-Восточной Руси, сделавшись «служебниками» монгольских ханов, обязанные беспрекословно повиноваться их воле, уже не могли примириться с независимостью старшей дружины. Система подданства со временем должна была привести к установлению княжеского деспотизма в создаваемой потомками Невского Московии.

Есть важная крупница горькой правды в словах историка Михаила Сокольского: «Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гор-

дости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал».

Помимо исторического пути, на который столкнул Северо-Восточную Русь Александр Ярославич, существовал и другой путь, по которому пошли русские земли, князья которых не пожелали служить ордынским ханам. Из этих земель со временем сформировалось другое государство – Великое княжество Литовское. В течение нескольких столетий оно успешно вело тяжелую борьбу на два фронта, против ордена и против Орды, которую наши официальные историографы объявили «безнадежной» и «бессмысленной». И победило. К концу XIV столетия великий литовский князь Витовт назначал своей волей ордынских ханов, в 1381 г. решал, посадить ли ему «во Орде на царствие царя его Тохтамыша», а в 1410 г., по существу, покончил с Тевтонским орденом. Наследниками некогда единой Киевской Руси стали в XIII – XV вв. три государства с различной политической системой, три Руси – Литовская, Московская и Новгородская. Их борьба за гегемонию в объединении всех русских земель и победа Москвы в этой борьбе определили дальнейшую судьбу нашей страны. Но это уже другая история.

Подробнее на эту тему

Горский А. А. *Александр Невский* // Мир истории. 2001.

№ 4 (<http://www.tellur.ru/~historia/archive/04-01/nevsky.htm>).

Данилевский И. Н. *Русские земли глазами современников и потомков (xii – xiv вв.)*. М.: Аспект Пресс, 2001.

Джиованни дель Плано Карпини. *История монголов*. М., 1957 (<http://www.darktimes.ru/Karpini.html>).

Макаров Н. *Русь. Век тринадцатый. Характер культурных изменений* // Родина. 2003. № 11.

Сокольский М. М. *Неверная память (Герои и антигерои России)*. М., 1990.

Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*. М.: Прогресс, 1989.

Флоря Б. Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (xiii в.)* СПб.: Алетейя, 2004 (журнальный вариант доступен по адресу: <http://www.krotov.org/library/fl/florya/flor04.html>).

Чернецов А. В. *К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа* // Русь в xiii веке: Древности темного времени. М., 2003.

Юрганов А. Л. *У истоков деспотизма* // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России ix – нач. xx в. М., 1991. Кн. 1. С. 34–75 (<http://anevskiy.narod.ru/library/24.html>).

1380. Несостоявшийся союз

3 мая 1626 г. страшный московский пожар уничтожил большую часть государственных архивов России XVI столетия. Составлявшие опись дел Посольского приказа – Министерства иностранных дел того времени – чиновники-дьяки обнаружили уцелевший тогда, но так и не дошедший до нас исторический документ. Речь в нем шла о том, как могла пойти наша история в конце XIV в.

«Тетратка ветха, а в ней писан список з грамоты докончальные Ягайлова с великим князем Дмитрием Ивановичем... о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, жениться ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди» – так обозначен в описи проект русско-литовского договора, составленный в 1381 или начале 1382 г.

(Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 34)

После победы на Куликовом поле Дмитрий Донской склонил молодого литовского князя Ягайло к заключению династического союза. В этом союзе Ягайло должен был играть

роль младшего партнера. Из рук тестя он получал не только жену, но и православную веру, которую должны были принять все его подданные – ведь Литва оставалась последним языческим государством в Европе. История этого государства началась на полтораста лет раньше...

В середине хiii в. литовский князь Миндовг сумел объединить литовские племенные союзы под своей властью. В борьбе с немецким Тевтонским орденом Миндовг то принимал от папы римского королевский титул, то искал союза против крестоносцев с Александром Невским, то становился католиком, то возвращался в язычество. Не зная татарского господства Литва быстро расширяла свою небольшую территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств и уже в хiiii в. стала балто-славянским государством, почти на три четверти состоявшим из бывших древнерусских княжеств. К концу следующего века западнорусские земли составляли уже девять десятых всей территории государства и подавляющее большинство населения было православным.

В хiv в. князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) создали державу, в состав которой вошли Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск, Чернигов. Казалось, лидерство на Руси перешло к Гедиминовичам; в 1358 г. послы Ольгерда заявили тевтонским рыцарям, что «вся Русь должна принадлежать Литве». Ольгерд первым выступил и против Орды: в 1362 г. он разгромил татар при Синих Водах, ликвидировал зависимость своих земель

от Золотой Орды и закрепил за Литвой древний Киев. Но в это же время «собирать» земли стали и московские князья. Так к середине XIV в. сложились два центра, претендовавшие на объединение всех древнерусских земель: Москва и Вильно. Конфликт между ними был неизбежен, тем более что в союзе с Литвой выступали старинные соперники Москвы – тверские князья; перейти «под руку» Литовского государства порой стремились и новгородские бояре. В 1368–1372 гг. Ольгерд в союзе с Тверью совершил три похода на Москву, но силы соперников были примерно равны, и договор 1372 г. разделил «сферы влияния».

Вот тогда-то, в начале 80-х гг. XIV в., и наметилось объединение двух «половинок» некогда единой Руси: Северо-Восточной «Московской» и Юго-Западной, находившейся в составе Великого княжества Литовского. К чему привел бы такой вариант объединения? Скорее всего, он подтолкнул бы консолидацию Руси и на полстолетия раньше привел к освобождению от ордынской зависимости. Но, возможно, и к усилению сословного представительства, сохранению региональных особенностей, получению выхода к Балтике задолго до Петра I, более активному включению в повседневный обиход и культуру западноевропейских элементов...

Могло быть, но не стало. Точнее, стало, но совсем иначе. Дмитрий Донской не смог противостоять хану Тохтамышу: Москва была в 1382 г. разорена и вновь стала платить дань Орде. Союз с несостоявшимся тестем перестал быть привле-

кательным для Ягайло; уния же с Польшей давала не только королевскую корону, но и реальную помощь в борьбе с сильным противником – Тевтонским орденом.

Ягайло женился – но не на московской княжне, а на польской королеве Ядвиге, и принял крещение – но не из Москвы, а из Рима, стал королем Владиславом и основателем новой династии на польско-литовском престоле. Вместо литовско-московского союза состоялась Кревская уния 1385 г. между Литвой и Польским королевством, на столетия определившая развитие соседа и соперника московских государей. С этого времени история Литвы тесно связана с историей Польши: в xiv – xvi вв. у этих государств был один король из династии потомков Ягайло – Ягеллонов.

При великом князе Витовте (1392–1430) княжество вступило в период своего наивысшего расцвета. В союзе с двоюродным братом Владиславом Ягайло Витовт разгромил Тевтонский орден при Грюнвальде (1410), присоединил Смоленскую землю (1404) и княжества в верховьях Оки. Витовт сажал своих ставленников на ордынский престол. Огромную дань-откуп платили ему Псков и Новгород, а московский князь Василий Дмитриевич женился на его дочери и называл Витовта «отцом», что по тогдашнему феодальному этикету означало признание вассальной зависимости. Тогда земли Великого княжества простирались от Балтийского моря до Черного, а восточная граница проходила под Вязьмой и Калугой.

Распад СССР в числе прочих проблем породил «взрыв» национальных трактовок, казалось бы, уже давно решенных вопросов – будь то оценка деяний гетмана Мазепы или спор о том, являлось ли средневековое Великое княжество Литовское литовским или белорусским и насколько именно. Главная же «потеря» состоит в том, что со страниц отечественных учебников истории вместе с рассказами о прошлом народов Кавказа или Средней Азии (что тоже не очень хорошо) исчезли сюжеты, касающиеся самого ближнего, славянского зарубежья, а история России оказалась сведенной к развитию Московского царства как единственного «законного наследника» Древней Руси.

Определять раннесредневековое Великое княжество Литовское как «русское» или «литовское» значило бы применять современные понятия об этничности по отношению к другой эпохе, в которой термин «русский» чаще всего означал «православный». В то же время источники xv – xvi вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в границах Польши и Литвы считали себя единой этнической общностью – «русским народом». Трудно установить, когда эта этническая общность стала разделяться. Появившийся в московских источниках с конца xvi в. термин «белорусцы» как будто говорит о том, что в Москве уже тогда стали воспринимать братьев-славян на территории Польско-Литовского государства как особый народ. Но это название относилось ко всему восточнославянскому населению соседней держа-

вы: «белорусцем» мог быть также житель Киевщины или Волыни. Еще труднее определить, с какого времени восточные славяне к северу от Припяти стали смотреть на восточных славян к югу от Припяти как на представителей иного этноса, то есть можно говорить о существовании особого украинского и белорусского народов.

Однако на западных землях Руси объединение проходило иным, по сравнению с Московским государством, путем.

Федерация земель

В Северо-Восточной Руси процесс «собирания земель» шел дольше и труднее, но зато и степень зависимости бывших самостоятельных княжеств от тяжелой руки московских государей была выше. В московской державе медленно, но верно складывалась система военно-служилой государственности на элементарной экономической основе, где все более или менее знатные подданные должны были нести пожизненную и безусловную службу своим государям, а попытки отстоять свои права становились «изменой».

В Литве взаимоотношения власти и подданных были иными, намного более либеральными. В противовес жесткой московской централизации и унификации Литва была рыхлой федерацией княжеств, земель и владений магнатов под властью отдельных князей – потомков Гедимина. Включая в свой состав более развитые, чем коренная Литва, земли, Гедиминовичи сохраняли их автономию: «Старины не рушаем, новины не вводим». Некоторые князья Рюриковичи (Друцкие, Воротынские, Одоевские) долгое время сохраняли свои владения.

Другие земли, входя в состав Литовского государства, получали от великого князя грамоты – привилеи: их жители могли требовать смены наместника; великий князь обязывался не «вступать» в права православной церкви, не пересе-

лять местных бояр, не раздавать земельных владений выходцам из других мест, не отменять принятых местными судами решений. Эти права не оставались на бумаге. В 1526 г. бояре и мещане Витебска пожаловались на «тяжкости» и «кривды» от воеводы Ивана Богдановича Сапеги, и король Сигизмунд вынужден был дать им другого воеводу. В русских землях Великого княжества – Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской – действовали местные сеймы, где решались вопросы о строительстве укреплений, введении единых условий переходов крестьян, раскладке субсидий великому князю. До хvi в. на славянских землях Великого княжества действовали правовые нормы, восходившие к Русской правде.

Многоэтничный характер державы отражало ее официальное название – Великое княжество Литовское и Русское. Его официальным языком был русский (можно назвать его старобелорусским или староукраинским – большой разницы между ними до начала хvii в. не было) – на нем составлялись законы и акты великокняжеской канцелярии. Образцом социального устройства и государственных порядков для Литвы стала союзная Польша. Нуждавшиеся в поддержке польской знати Ягайло и его потомки вынуждены были даровать ей все новые привилегии, а затем распространять их и на своих литовских подданных. К тому же Ягеллоны вели активную внешнюю политику: пытались – порой успешно – овладеть чешской и венгерской коронами, соперничали

с императором Священной Римской империи. Но за это тоже надо было платить отправлявшемуся в походы рыцарству.

В языческой Литве в условиях постоянной войны с Тевтонским орденом долго сохранялось свободное крестьянство, обязанное нести военную службу. Еще в конце XIV в. официальные грамоты называли всех свободных воинов боярами. В следующем столетии раздачи земель и крестьян привели к образованию слоя землевладельцев – бояр-шляхты (от немецкого *Geschlecht* – род, происхождение), обязанных великому князю военной службой.

Великого князя литовского окружала знать: князья Рюриковичи и Гедиминовичи, паны или крупные землевладельцы литовского и русского происхождения (Радзивиллы, Сапеги, Воловичи), выводившие на войну сотни слуг и занимавшие виднейшие посты при дворе и в управлении. Литовский статут – свод законов, впервые утвержденный в 1529 г. и затем дополнявшийся в 1566 и 1588 гг., – закреплял все права шляхты, полученные ею за 150 лет: пожалованные шляхтичам земли объявлялись их частной собственностью, они могли свободно переходить на службу к панам и уезжать за границу и не подвергались аресту без решения суда; местные земские суды избирались самой шляхтой на собраниях-сеймиках, где также решался вопрос о платеже государственных налогов, от которых шляхетские владения были освобождены.

Запрещение православным князьям и боярам занимать

высшие государственные должности вызвало сопротивление – после смерти Витовта в Литве началась настоящая гражданская война, в которой одного из претендентов, князя Свидригайло, поддержали восточные земли и города Великого княжества. Но привилеи 1432–1434 гг. уравнивали православных в правах с католиками и провозгласили неприкосновенность вотчин и их владельцев от репрессий без суда. С этого времени разворачивается оформление единого правящего сословия – политического народа.

Привилей 1447 г. освобождал всех зависимых крестьян от натуральных и денежных податей в пользу государства и предоставлял землевладельцам право суда над своими крестьянами. Тем самым государь терял право вмешиваться во взаимоотношения вотчинников с их подданными, тогда как в Московской Руси государство ограничивало судебные права феодалов.

Крупных городов в Литве было немного: Вильно, Троки, Ковно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Луцк, Владимир (Вольнский) и Кременец; для их развития князья, как и в Польше, приглашали иноземцев – немцев и евреев, получавших особые привилегии. В 1495 г. великий князь Александр приказал «жидову з земли вон выбити», изгнал все еврейские общины и конфисковал их имущество. Но разразившийся финансовый кризис заставил в 1503 г. великого князя вернуть евреев в свое государство; им были возвращены дома, лавки, огороды, поля и

луга – все, чем они владели до изгнания, а также право взыскивать долги со всех должников. Еврейские купцы и банкиры постоянно предоставляли казне значительные средства; один из таких дельцов, Аврам Езофович, стал при Александре подскарбием земским, то есть министром финансов.

В xiv – xv вв. Вильно, Ковно, Брест, Полоцк, Львов, Минск, Киев, Владимир (Волынский) и другие города получили «магдебургское право» – городское самоуправление: горожане-мещане избирали городских радцев – советников, ведавших городскими доходами и расходами, и двух бурмистров – католика и православного, судивших горожан вместе с великокняжеским наместником – войтом. С xv в. в городах появляются ремесленные цеха, права которых закрепляются в специальных уставах.

В Польше и Литве не сложился аппарат центрального управления, подобный системе приказов в Москве. При дворе великого князя были должностные лица, но не было государственных учреждений и быстро растущей бюрократии. Подскарбий земский хранил и расходовал деньги, но не собирал налоги; гетман командовал шляхетским ополчением, когда оно собиралось; постоянная армия короля и великого князя насчитывала в xvi в. примерно 5 тыс. наемных солдат. Единственным постоянным органом была великокняжеская канцелярия, где велась дипломатическая переписка и хранился государственный архив – Литовская метрика.

Свои действия великий князь с 1492 г. должен был со-

гласовывать с радой панов в составе епископов, воевод и наместников из числа крупнейших магнатов. Рада управляла страной в отсутствие князя, контролировала все земельные пожалования, расходы и внешнюю политику. Один из знатнейших панов княжества, Альбрехт Мартинович Гаштольд, говорил, что в отличие от Польши «что решается господарем и панами-радой, то шляхтой обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем явно было то, что мы решаем».

В ходе многочисленных войн великому князю приходилось прибегать к займам у своих князей и панов под залог своих имений. За это паны получали в «заставу» великокняжеские земли и доходы с них до погашения суммы долга. Затем они стали обращаться за субсидиями к другим подданным, так стал созываться «Вальный сейм», который включал не только раду и «значнейших» панов и князей, но и более широкий круг шляхты – как католиков, так и православных. Сначала шляхта приглашалась поголовно, и на сейм приезжали все, кто хотел или имел такую возможность. С 1511 г. представители шляхты стали избираться на местах (по два человека от области – повета); в заседаниях сейма участвовала рада панов, лица, занимавшие важнейшие государственные должности (старосты, «державцы»), а также персонально князья Слуцкие, Друцкие, Лукомские, Свирские, Сангушквичи, Збаражские, Заславские, Корецкие, паны Хреб-

товичи, Кухмистровичи и представители других знатных фамилий. Вызывались на сеймы и православные епископы как владельцы вотчин, с которых шла земская служба.

Впервые сеймы в таком составе стали собираться при великом князе Казимире (1440–1492). С 1507 г. сейм созывался регулярно; на Виленском сейме 1514 г. было решено продолжать войну с Москвой; сейм 1522 г. одобрил конфискацию захваченных великокняжеских земель; на сеймах 1514 и 1522 гг. шляхта пожелала составить свод общегосударственных законов, а на сейме 1544 г. «рыцарство» просило, чтобы в каждом повете шляхта избирала судью и писаря, которые могли судить любого князя, пана или духовное лицо на своей территории. Все эти пожелания были удовлетворены.

В XVI в. сейм стал высшим законодательным органом Великого княжества. В его компетенцию входило принятие законов, решений о сборе налогов для князя и созыве шляхетского ополчения. В 1566 г. сейм постановил: никакое изменение в законах невозможно без его одобрения. В отличие от сословно-представительных учреждений других европейских стран в сейме была представлена только шляхта – в виде исключения туда были допущены бурмистры Вильно с правом совещательного голоса. Депутаты-послы избирались по воеводствам местными сеймиками и отстаивали на сейме наказания своих избирателей. На местных сеймиках шляхта обсуждала свои сословные дела и выбирала членов местного суда.

Экономический расцвет и политическое влияние польского и литовского дворянства-шляхты обеспечили наметившееся в XVI столетии общеевропейское «разделение труда»: регионы с развитой промышленностью (Фландрия, Нидерланды, Англия, Южная Германия, север Италии) требовали все больше сырья и продуктов сельского хозяйства, поставщиком которого становились страны Восточной Европы. Землевладельцы преобразовывали свои владения в плантации, ориентированные на производство как можно большего объема продукции на продажу. Такие имения, фольварки, требовали массового применения барщинного труда, а вместе с ним и крепостнических порядков.

В 1557 г. в Великом княжестве была проведена реформа – волочная помера: вся земля великокняжеских имений объявлялась собственностью государя и делилась на участки – волоки, за владение ими крестьяне платили денежный оброк; кроме того, каждую седьмую волоку они должны были пахать на великого князя. Эта реформа послужила образцом для введения барщинного хозяйства и на частновладельческих землях. Все землевладельцы должны были предъявлять свои документы на владение, при этом возвращались в «простое состояние» шляхтичи, обманом присвоившие себе это звание и имение. Волочная помера лишила свободы «выхода» крестьянина, который до того мог продать свою «отчину» и стать «вольным похожим человеком». Отныне беглые и самовольно ушедшие крестьяне отыскивались и «осажива-

лись» на пустых волоках. Отменялось и прежнее крестьянское самоуправление: в селах великокняжеские державцы и старосты назначали войтов по немецко-польскому образцу.

По Литовскому статуту 1588 г. за крестьянами сохранялось только право владения движимым имуществом, необходимым для выполнения повинностей с земельных наделов, находившихся в их пользовании. «Человек вольный», осевший на земле феодала и проживший на новом месте десять лет, мог уйти, только откупившись значительной суммой. Закон, принятый сеймом в 1573 г., давал панам право карать крестьян по своему усмотрению вплоть до смертной казни. Виселица являлась обычной принадлежностью двора знатного пана, чему порой удивлялись русские офицеры-помещики в xviii в. Имел шляхтич и привилегию пропинации – право на производство и продажу пива и водки в пределах своих владений.

Между Польшей и Москвой:

образование Речи Посполитой

У Витовта не было детей, и после его смерти в Великом княжестве начались усобицы. Занявший престолы Польши и Литвы младший сын Ягайло король Казимир и его дети потеряли интерес к «общерусской» программе Ольгерда. Эту задачу перехватил московский правнук Витовта – великий князь Иван iii (1462–1505). Уже в 1478 г. он заявил о «возвращении» бывших древнерусских земель – Полоцка, Витебска, Смоленска. Эту задачу облегчало нарушение конфессионального баланса в Литве после Флорентийской унии. В 1481 г. король Казимир запретил православным строить новые храмы и восстанавливать прежние; по просьбе короля константинопольский патриарх посвятил для Литовской Руси особого митрополита Григория Болгарина, помощника изгнанного из Москвы сторонника унии митрополита Исидора. Наступление на православие вызвало в Литве оппозицию. В 1481 г. был раскрыт заговор против короля, во главе которого стояли князья Михаил Олелькович и его двоюродный брат Федор Иванович Бельский. Бельский бежал в Москву и остался там навсегда со своим потомством.

Так начались переходы православных князей Великого княжества на сторону Москвы, сильно облегчившие Ивану

iii и его сыну Василию iii борьбу с западным соседом. Вслед за князьями Бельскими на московской службе оказались владельцы других окраинных земель Великого княжества – князья Белевские, Воротынские, Мезецкие, Вяземские, Новосильские, Одоевские, Трубецкие. В 1500 г. перешли к Москве вместе со своими «волостями» потомок Дмитрия Шемяки, князь Василий Иванович Шемячич, и князь Семен Иванович Можайский, сын сторонника Шемяки Ивана Андреевича Можайского. В результате двух больших войн, 1487–1494 и 1500–1503 гг., Великое княжество Литовское потеряло треть территории; великий князь Александр признал за Иваном iii титул государя всея Руси. К России были присоединены Вязьма, черниговские и новгород-северские земли (Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, Стародуб, Гомель). После трех походов в 1514 г. был отвоеван Смоленск, который на 200 с лишним лет стал главной крепостью и воротами на западной границе России. Во время этих войн московские государи умело использовали недовольство части православных князей Литвы – в дальнейшем такая политика станет традиционной по отношению к Польско-Литовскому государству и в конце концов послужит одним из факторов его крушения.

Но уже во время третьей (1512–1522) и четвертой (1534–1537) по счету войн силы противников оказались примерно равными, а население Великого княжества больше не изъявляло желания присоединиться к Москве. По территории

Восточной Европы пролегла граница, по сторонам которой сложились глубокие различия в общественно-политическом строе двух восточнославянских государств. При этом православные славяне в границах держав Ягеллонов называли себя русскими или русинами, а свой язык русской мовой, но при этом отличали себя от «Москвы». В Москве же на соседей смотрели как на «литвинов» и после бедствий Смуты даже православных «литовских людей» встречали подозрительно, а католиков-«ляхов» представляли уже как главных врагов, по сравнению с которыми даже «немец-лютор» выглядел симпатичнее. Правда, это не мешало вполне православным русским мужикам и в xvii, и в xviii вв. бежать за границу к тем же «ляхам». Крепостничество там было такое же; но барин мог быть и добрым, а вот злое государство с его чиновниками, податями и рекрутчиной – намного слабее.

Политическая элита Литвы и Москвы выработала свои исторические традиции и мифы о собственном прошлом. В литовских хрониках помещался рассказ о князе Палемоне, который с 500 шляхтичами бежал от тирании Нерона на берега Балтики и покорил бывшие княжества Киевской державы. В сочинениях Ивана Грозного и московских дипломатических актах появилась теория о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа. Гедимина же московское «Сказание о князьях Владимирских» называет бывшим княжеским конюхом, женившимся на вдове своего господина и захватившим власть над Западной Русью.

Осознавались и принципиальные различия в характере политической культуры: в источниках хvі в. появляется противопоставление «жестокой тирании» московских князей правам и «вольностям» шляхты и мещанства Великого княжества Литовского. Во времена Ивана Грозного уже московские служилые люди бежали в Литву.

Князь и боярин Андрей Михайлович Курбский становится одним из первых политических эмигрантов. Знаменитая переписка царя Ивана и беглого боярина стала самым известным памятником русской политической мысли хvі в., споры вокруг которого продолжаются и поныне. Князь-диссидент обличал царя в безвинных гонениях против московской знати, но в то же время его жизнь в Литве показала несовместимость московского боярина с чуждой общественной средой. Курбский до самой смерти не выходил из-под суда и искренне не понимал, почему он «княжа на Ковлю» не может «чинить бой морды» своей жене – знатной панне Гольшанской, раздавать слугам данные ему в держание короной земли или посадить евреев-заимодавцев в пруд с пивками.

Ливонская война (1558–1583) была попыткой разом решить две важнейшие для России внешнеполитические проблемы: утвердиться в Прибалтике и объединить русские земли, оказавшиеся в составе Польско-Литовского государства. К 1560 г. Ливонский орден был разгромлен. Россия овладела восточной Эстонией и впервые получила порт на Балти-

ке – Нарву. В 1561 г. часть рыцарей и город Ревель перешли под власть Швеции, а последний магистр ордена передал его владения польскому королю. В 1562 г. Россия начала войну против Литвы и захватила Полоцк, а в 1570-м стала воевать и против Швеции. Но утвердиться на балтийском побережье и стать равноправным торговым партнером Запада Россия тогда не смогла. Стремление Ивана Грозного завоевать «мало не вся Германия» втянуло страну в большой европейский конфликт, в котором в итоге ей пришлось одновременно воевать против Польско-Литовского государства, Крыма и Швеции, да еще и имея в тылу опричнину. К 1577 г. царь Иван овладел почти 2/3 территории Ливонии. Но затем в войне наступил перелом: польско-литовская армия короля Стефана Батория в 1579–1581 гг. отобрала у русских Полоцк, Великие Луки и осадила Псков. Шведы захватили в 1581 г. Нарву. По мирным договорам с Речью Посполитой (Ям-Запольское перемирие 1582 г.) и Швецией (Плюское перемирие 1583 г.) Россия утратила все завоевания в Прибалтике и сохранила лишь небольшой участок Финского залива с устьем реки Невы.

В начале Ливонской войны обозначился перевес Москвы. На мирных переговорах 1563–1564 гг. Москва объявила целью своей внешней политики возвращение всех бывших древнерусских центров – Киева, Волыни, Полоцка, Витебска и прочих земель. В 1564 г. литовский гетман Николай Радзивилл разбил на реке Уле московское войско князя Петра

Ивановича Шуйского, но попытка перейти в наступление на московские владения с юго-запада потерпела неудачу. Ежегодные кампании истощили государственные финансы Литвы; ее паны и шляхта вынуждены были обратиться за помощью к Польше.

Совместный сейм открылся в Люблине в январе 1569 г. Литовские магнаты соглашались на создание единого государства только на условиях отдельного существования литовского сената и сейма. Но большинство шляхты, наоборот, стремилось к объединению, поскольку желало получить те права и «вольности», которыми уже обладало польское дворянство. Опираясь на поддержку шляхты, король Сигизмунд II Август передал Польше (из состава Великого княжества) Украину. После этого литовские паны согласились на унию.

Люблинская уния объединила Польшу и Великое княжество Литовское в единую Речь Посполитую (*Rzeczpospolita* – польский перевод латинского выражения *res publica*) с общими сенатом и сеймом; вводились единые денежная и налоговая системы. Однако Литва сохранила автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну и официальный русский язык. В 1572 г. после пресечения династии Ягеллонов король стал избираться на сейме, и Речь Посполитая превратилась в своеобразную республику с выборным королем во главе.

Верховным законодательным органом стал шляхетский сейм: «Отныне и на будущие времена нами, королем, и на-

шими преемниками не может быть установлено без совместного позволения сенаторов и земских послов ничего нового, что было бы в ущерб и тягость Речи Посполитой, а также во вред и в оскорбление кому-либо или же направлено к изменению посполитского права и вольности публичной» – так гласил один из основных законов государства – Радомская конституция 1505 г., *nihil novi* (конституцией в Польше называлось любое постановление сейма). Сейм устанавливал налоги, созывал ополчение – «посполитое рушение», – определял направление внешней политики, заключал мирные договоры и союзы. На сейме происходил под председательством короля сеймовый суд по особо важным делам. Сейму принадлежало право помилования и амнистии.

Деятельность короля контролировали сенаторы-резиденты. Сам же король, вступая на престол по воле и выбору шляхты, торжественно отказывался от наследственности трона, обязывался не объявлять войну и не заключать мир без сената, не созывать «посполитого рушения» (шляхетского ополчения) без согласия сейма. Гарантией и «зеницей вольности» считалось право шляхты отказать королю в повиновении, если он не будет соблюдать ее права и привилегии. В таком случае недовольные создавали конфедерацию и начинали «законный» мятеж против своего государя.

Конец хvi – первая половина хvii в. стали временем наивысшего подъема шляхетской республики, на короткое время она стала великой державой Восточной Европы. Речь

Посполитая стала главной житницей Европы. Зерно отправлялось вниз по Висле до Гданьска, а оттуда по Балтийскому морю в Голландию; далее хлеб развозился по всей Западной Европе. Из южных земель громадные стада скота перегоняли в Германию и Италию. Вывозивший зерно землевладелец был заинтересован в свободе торговли. Законы снижали экспортные пошлины и одновременно открывали доступ иноземным товарам, хотя и в ущерб собственным производителям и купцам. Шляхта добилась лишения горожан права голоса в сейме. Самостоятельность городов подрывали принадлежавшие шляхтичам городские дворы и целые кварталы, не подчинявшиеся городским законам и администрации. Кроме того, короли приглашали в города иммигрантов – немцев, евреев, поляков, армян, которые стали составлять большинство населения украинских и белорусских городов, особенно крупных (как Львов).

Вновь появились и проекты унии польско-литовской державы и России. Теперь уже шляхта Речи Посполитой допускала выборы московского государя королем с целью использовать военный потенциал Москвы для возвращения потерянных Польшей земель на Западе, организации надежной обороны южных границ и победы в войне с турками. Шляхетские политики уже не опасались за свои вольности, поскольку король «за несоблюдение прав наших всегда может быть низложен»; к тому же «московит почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все

бы ему казалось наилучшим» – так полагали предвыборные публицистические сочинения в 70–80-х гг. XVI в.

В 1572 г. сенат Речи Посполитой сообщил Ивану Грозному, что все «станы и рыцарство» желают видеть на троне Речи Посполитой его младшего сына царевича Федора, который должен перейти на воспитание к польским советникам и не вмешиваться в управление государством. За допущение царевича к наследованию польского трона Ивану IV предстояло уступить Новгород, Псков и Смоленск. Конечно, царь отказался, но в то же время предложил «русскую» программу объединения. Идеолог и практик «вольного самодержавства» соглашался признать нетерпимые им вольности шляхты, но требовал передачи России Киева; в будущем объединении трех государств – России, Польши и Великого княжества Литовского – власть единого монарха (независимо от того, будет им сам царь или его сын) должна была быть наследственной.

Эти проекты так и остались нереализованными: ни царь, ни его сын так и не выступили «кандидатами» на выборах. Но после смерти Ивана Грозного русские послы выехали в Варшаву в 1587 г. для официального выдвижения кандидатуры Федора Ивановича на элекционном (избирательном) сейме. Они уже не рассчитывали на утверждение наследственного правления московской династии, но предполагали создать военно-политический союз между Россией и Речью Посполитой, направленный против Швеции, Османской им-

перии и Крымского ханства. Московский государь обещал соблюдать права шляхты («справ и волностей не нарушит, ещо к тому и прибавливати хочет»), не «вступатися ни в какие доходы и скарбы» Речи Посполитой, проявить веротерпимость («людем всяким тех государств вера вольно будет держать по своей вере»), заплатить долги прежних монархов польско-литовской армии, дать купцам свободный проезд в своем государстве, а шляхтичам – земли в Диком поле.

Взамен московские политики хотели получить в свои руки руководство внешней политикой нового союза и утвердить первенствующее место России в политической структуре Восточной Европы: «Божьей милостью государь, царь и великий князь... всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский» – так должен был звучать титул Федора. Но после победы в Ливонской войне государственные деятели Речи Посполитой уже не допускали равноправного союза двух держав: по их мнению, царь должен был в случае избрания принять католичество, а сейм – принимать важнейшие внешнеполитические решения.

В результате русский царь так и не участвовал в выборах на польский престол. Попытки унии в конце хvi в. были уже нереальными – слишком разошлись в своем развитии социально-политические структуры двух держав. В начале хvii в. король Речи Посполитой и его окружение предпочли «силовой» вариант осуществления унии. Во времена Сму-

ты военные действия уже шли на территории России. Польские войска заняли Москву от имени сына своего короля – принца Владислава, которого московские бояре признали в 1610 г. новым государем России. Польско-Литовское государство возвратило Смоленск и Чернигово-Северские земли и сумело отстоять их в Смоленской войне (1632–1634) от войск Михаила Романова.

После Люблинской унии Польша присоединила большинство украинских земель великого княжества (Волынь, Киевщина и Подолье). Здесь создавались огромные владения-латифундии магнатов Замоиских, Жолкевских, Калиновских, Конецпольских, Потоцких, Вишневецких. Вслед за магнатами и шляхтой шли католические священники. В проповедях и на диспутах они обличали догматические «заблуждения» и культурную отсталость православных. Иезуит Петр Скарга доказывал, что положение православия безнадежно, а единственный выход для его последователей – воссоединение с Римом: «Греки обманули тебя, о русский народ, ибо, дав тебе святую веру, не дали греческого языка, вынудив пользоваться славянским наречием, дабы ты никогда не постиг истинного учения... Еще не было на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться ученым...» В этих словах было бы много справедливого, если бы они зачастую не служили лишь маскировкой для полонизации и окатоличивания.

При поддержке королевской власти была осуществлена Брестская уния 1596 г. – попытка мягкого, постепенного вхождения православных подданных в орбиту католической церкви. Брестская уния 1596 г. – союз православной и католической церквей на территории Речи Посполитой на условии признания православными католических догматов и верховной власти папы римского при сохранении православной церковью богослужения на славянских языках и обрядов. Православные иерархи в Речи Посполитой склонялись к унии, чтобы добиться независимости от власти константинопольского патриарха, получить места в сейме и покровительство короля в спорах духовенства с патриархом и православными братствами. В 1595 г. епископы И. Потей и К. Терлецкий получили в Риме согласие папы на унию. В 1596 г. в Бресте был созван провинциальный синод для решения вопроса об унии. Он разделился на две части. Православный собор, возглавлявшийся посланцами Константинопольского и Александрийского патриархов и поддержанный частью православного духовенства, шляхты и мещанством, объявил неправомочными действия сторонников унии и лишил их духовного сана. Митрополичий (униатский) собор, на котором присутствовали представители папы и короля, принял унию и лишил духовного сана противников. В результате сопротивления украинского и белорусского народов Речь Посполитая была вынуждена в 1633 г. разрешить легальное существование православной церкви. Официаль-

но Брестская уния была расторгнута на церковном соборе 1946 г. во Львове, созванном под нажимом Сталина и по существу неканоничном. Униатство было легализовано после ослабления советской власти в 1989 г. Вызванный этими пертурбациями конфликт (в частности, спор из-за храмов) продолжается до сего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.